

A black and white portrait of a woman, Captain Galina Orzhovskaya, wearing a white nurse's cap and a white uniform with a dark collar. She is smiling and looking directly at the camera.

Огонёк

№ 7 Февраль 1944 год

Специальность капитана медицинской службы Галины Оржевской — сложные мозговые операции, трепанация черепа. Многие тяжело раненные бойцы и командиры Красной Армии возвращены к жизни и к дальнейшей борьбе с ненавистным врагом благодаря искусству опытного хирурга Галины Оржевской.

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Репина

На фронте и в тылу

Командиру танкового батальона майору Борису Ивановичу Хватову всего 23 года. На фронте он с первого дня войны. Его грудь украшена орденами Александра Невского, Красного Знамени, Отечественной войны II степени и медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Захар Петрович Романов отлично сражался с немцами в войну 1914—1918 гг. и был награжден тогда двумя георгиевскими крестами. Сейчас сержант Романов снова бьет немецких захватчиков. На груди его, рядом с георгиевским крестом—орден Красной звезды. Недавно тов. Романов награжден еще орденом Славы III степени — он захватил в плен немецкого обер-лейтенанта. На снимке: сержант Романов рассказывает своим боевым друзьям о том, как он получил георгиевские кресты.

Более тысячи немцев уничтожил пулеметчик адыгеец Кушук Матыжев. Славный воин награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны, Красной звезды и медалью «За отвагу». Пулеметнику Матыжеву присвоено звание младшего лейтенанта, и он назначен командиром пулеметного взвода.

Комсомолка Лидия Парфёнова — мастер по добыче нефти промысла № 1 треста «Краснокамнефть». Она внесла ряд рационализаторских предложений. Благодаря применению одного из её предложений производственный процесс сократился с 36 часов до 12.

Молодой лётчик-истребитель Ф. Лепеленко на подступах к родным местам сбил пять немецких самолётов. Командование части разрешило отважному лётчику слетать в его родное село Башмачка (Днепропетровской области), освобождённое Красной Армией. На снимке: встреча лётчика Лепеленко с отцом и матерью в родном селе.

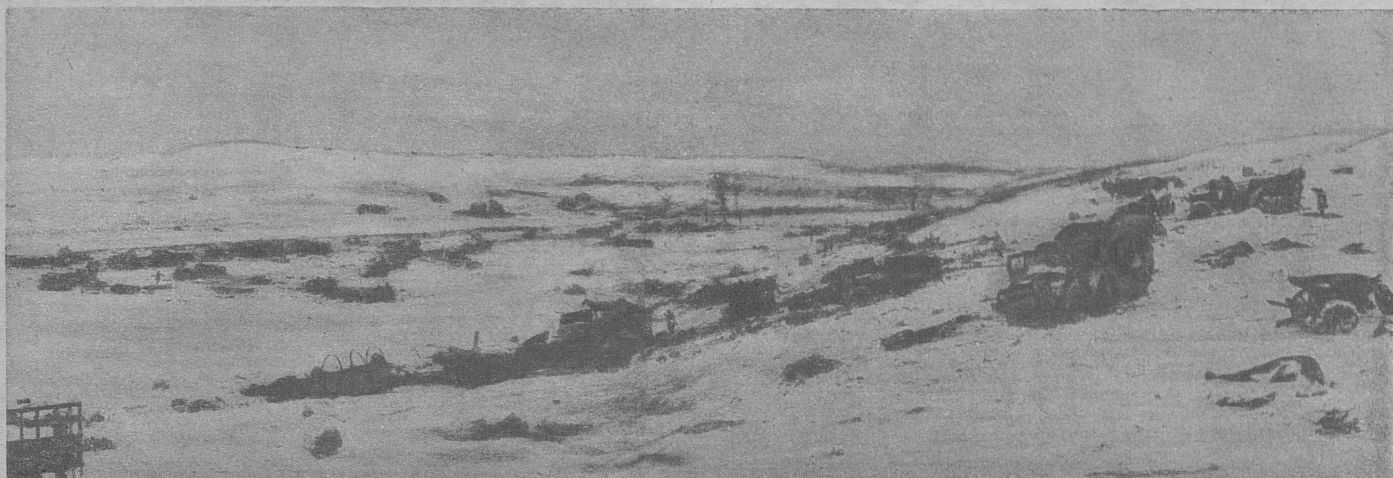
Завод имени Серова дал в 1943 году десятки тысяч тонн металла сверх плана. Первые месяцы текущего года серовские металлурги ознаменовали сверхплановым выпуском чугуна, стали и проката. На снимке: лауреаты Сталинской премии главный инженер завода Г. Х. Габусов (слева) и начальник доменного цеха М. Х. Жукашенко.

В первые месяцы Отечественной войны колхозница, депутат Верховного совета Грузинской ССР О. И. Чигиташвили была избрана председателем колхоза на место её мужа, ушедшего на фронт. Колхоз «Глехта Георг Тианеоба» (Гурджапский район) вышел в ряды передовых в районе. Тов. Чигиташвили недавно награждена орденом Ленина. На снимке: О. И. Чигиташвили проверяет приготовленные к севу семена.

ВЕЛИКОЕ ЗАДНЕПРОВСКОЕ ПОБОИЩЕ

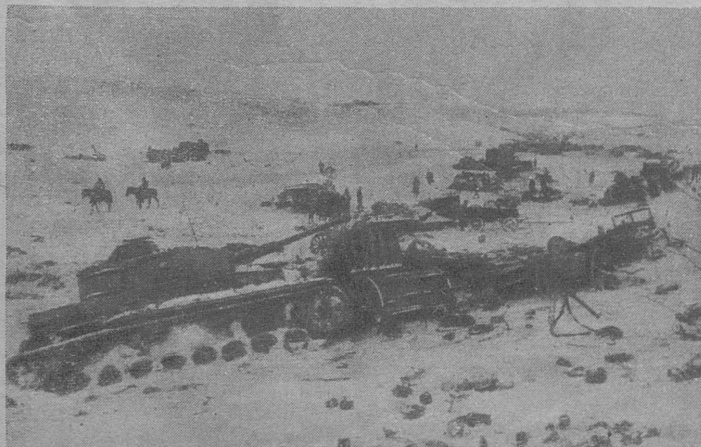
Фото Я. Рюмина

Вот они, поля, где нашли свой бесславный конец 10 немецких дивизий и 1 бригада, окружённые и уничтоженные нашими войсками. Здесь Красная Армия устроила немцам второй Сталинград. За время боёв по уничтожению окружённых в районе Корсунь-Шевченковский немецких дивизий с 3 по 18 февраля было убито 55 тысяч немецких солдат и офицеров. Взято в плен более 18 тысяч гитлеровцев. Уничтожено 430 самолётов, 155 танков, 376 орудий, 59 самоходных орудий, 269 миномётов, 900 пулемётов. Захвачены большие трофеи: 41 самолёт, 116 танков, 618 орудий, 51 самоходное орудие, 267 миномётов, 789 пулемётов, 10 тысяч автомашин и много другого вооружения и боеприпасов.

Занесённые снегом поля и дороги завалены сожжёнными немецкими танками, разбитыми орудиями, автомашинами, повозками, брошенными автоматами, винтовками, снарядами. И всюду сотни, тысячи вражеских трупов.

СЛАВА СОВЕТСКИМ ЖЕНЩИНАМ!

Лётчицы Н-ской части: лейтенант Валентина Стрельцова (вверху), неоднократно выполнявшая сложные задания командования; лейтенант Екатерина Извекова (посредине), летает безаварийно с начала войны; стрелок-бомбардир старший сержант Валентина Секакина (внизу).

Дед Марии Богатырь был солдатом, георгиевским кавалером. Её отец служил матросом на броненосце «Потёмкин». Брат Марии—Иван—Герой Советского Союза. Санструктор Мария Богатырь не уронила чести своего рода.

Радистка сфрейтор А. Н. Миронова (слева) отличилась в недавних боях на 1-м Прибалтийском фронте. Она держала бесперебойную связь с частями, находясь в непосредственной близости от противника. Гвардии рядовой Вера Вовченко (справа) работает с первых дней Отечественной войны санструктором танкового батальона. Награждена двумя орденами Красной звезды.

ВАРЕНЬКА

Татьяна Тэсс

Семья была большая: кроме Вареньки ещё четверо детей. Варя была самая старшая. Работы по хозяйству было много. Варя целый день возилась, помогая матери, и ещё работала в поле. Она была маленького роста, но крепкая, ширококостная, с высоким лбом и серьёзными глазами.

К самой деревне подходила речка, быстрая, с просвечивающими камешками на дне, а дальше начинался лес, овраги, полные ландышей, громадные сосны, полянки с цветами, обрызганными росой... С пригорка были видны ржаные поля, мельница, и пахло мёдом, тёплой землёй, всеми сильными и нежными запахами лета. Деревня была в Ленинградской области, но летом сюда приезжали отдыхать не только ленинградцы, но и москвичи. Приехав, они начинали восторгаться природой. Варенька же никак не могла понять, зачем эти люди, живущие в Москве, приезжают в деревню. Мечтой её было попасть в Москву, она думала об этом так часто, что иногда ей даже снилась ночью Москва, но, проснувшись, она ничего не могла вспомнить, и от этого всегда становилось беспокойно и грустно.

Один раз мать Вареньки тоже решила поехать в избу дачников. Приехали двое — муж и жена. Муж целый день сидел за столом, поставленным под деревом, и писал, перелистывая лежащие возле него книги, потом перечитывал написанное и вдруг начинал смеяться. Смеялся он тихонько, но так заразительно, что и Варенька, глядя на него, начинала смеяться. Потом он становился серьёзным и снова принимался писать. Жена была тоже весёлая и очень простая, часто ходила с Варей купаться на речку, и Варя к ней так привыкла, что однажды ей рассказала про свои мечты о Москве. Дачница внимательно посмотрела на девочку и пообещала что-нибудь придумать.

Осенью дачники уехали, а через несколько дней Вареньке пришла из Москвы телеграмма. Варю собрали в дорогу, уложили вещи в сумку; мать поцеловала её; лицо матери сморщилось, губы задрожали, и Варенька стало так жалко мать, что она совсем было решила остаться. Но маленький братишка уже тянул сумочку к дверям и приговаривал, шепелявя: «Хороший сумочник, шам жделал...»

И Варенька пошла вслед за сумочником.

В Москве всё оказалось совсем не так, как она предполагала. Весёлая дачница устроила Варю нянкой в знакомый дом. Варя думала, что едет прямо на завод, и когда увидела тесную городскую квартиру и крохотного ребёнка в коляске, — растерялась и не знала, что делать. Но весёлая дачница была искренно уверена, что устроила варенькино счастье, и так радовалась этому, что Варенька поспешила ей огорчать и промолчала.

Так началась жизнь в Москве.

Ребёнку было два месяца, это был мальчик, звали его Женечка. Когда он начинал плакать, он сучил красными, крохотными ножками. Варенька в страхе и жалости смотрела на него и говорила, прижимая руки к груди:

— Такое малюсенькое, такое несчастное... Даже ручкой не может показать, где у него болит...

Города она совсем не видела. Она знала только улицу, где была будочная, и бульвар куда ходила гулять с Женечкой. Подруг у неё не было, и пойти одна в кино она стеснялась.

Мать Женечки много работала, и по воскресеньям, Вареньке было жалко оставлять её одну с ребёнком, и она отказывалась от выходного. Женечка рос, ему уже исполнилось два года. Варенька полюбила его, теперь ей казалось, что он умеет рассказать всё, что угодно, и ужасно сердилась, когда кто-нибудь не понимал, что Женечка рассказывает.

Но в день, когда началась война, Варенька вдруг ясно поняла, что уйдёт из этого дома, из этой квартиры, к которой она так привыкла, от маленького Женечки, от его мамы, от голубого одеяльца, кастрюлек для маминой каши, аквариума на окне, одиозного зайца, — уйдёт сегодня же или завтра, обязательно уйдёт — на завод.

В ту пору ей было шестнадцать лет. Она пришла на завод. В отделе кадров спросили, умеет ли она работать на станке. Она испугалась, что если ответит «нет», её могут не принять, и неожиданно для самой себя кивнула головой и быстро сказала:

— Да, умею.

Когда она пришла в цех, начальник цеха снова спросил её:

— Можешь работать на станке?

В горле у неё что-то булькнуло, но она опять быстро сказала:

— Могу.

И её отвели к станку.

Пока она шла, она испотела, как мышь, и ноги у неё еле сгибались, словно сразу стали деревянными. Установщик установил ей деталь и отойшёл. Когда он работал, она внимательно следила за его руками. Рядом, на другом станке, работница обрабатывала такую же деталь. Внутри у Вареньки всё сжалось, напряглось, в висках застучало — она начала работу.

Деталь пошла косо.

Она глядела на деталь с отчаянием, не зная, что нужно сделать. Установщик прошёл мимо неё и остановился.

— От дурное сало! — сказал он с сердцем. — Кто ж так делает?!

Он хотел, видимо, сказать ещё что-то сердитое, но увидел несчастное, потное вариню лицо, заметил попытку

девочки сохранить гордую усмешку и начал молча показывать ей, как надо делать, чтобы деталь обрабатывалась сразу по всем размерам.

Через много дней после этого Варенька написала матери, что поступила на завод, но ответа не получила. Она писала снова и снова, но ответа не было, и когда, наконец, Варенька пошла на почту, чтобы отправить матери деньги, — на почте перевода у неё не приняли.

Она и раньше предполагала, что в деревне их уже немы, но старалась не думать об этом. Сейчас, когда у неё не приняли перевода, она секунду постояла на почте, возле пахнущего сургучом и клеем окошечка, держа в кулаке пачку денег. Потом медленно вышла на улицу. Деньги так и были у неё в кулаке; она поняла, что послать их матери уже нельзя, невозможно, что мать так и не узнает, что она работает на заводе. Ей стало страшно и больно, но она не заплакала, а всё шла медленно по улице, и ей вытекло лицо матери в день отъезда, сморщенное от слёз, белая косынка на её голове и то, как она обняла мать на прощанье и услышала запах, идущий от материнского платя, сухой и лёгкий, как запах травы...

Теперь у неё уже не было ничего на свете, кроме завода. Завод выпускал изделия, которые шли на фронт, и, когда Варенька думала об этом, ей становилось как-то спокойнее на сердце. Она работала очень хорошо. У неё были умелые руки и та ровная, спокойная сосредоточенность, которая обеспечивает работу без пауз и без пустот. Варя была очень серьёзный человек, серьёзный и внимательный. Если в цехе надо было поручить кому-нибудь срочный и важный заказ, то говорили так:

— Дадим Вале Виссарионовой. Это будет точно, как в аптеке.

Она хорошо запомнила день, когда установщик первый раз устано-

Варя Виссарионова.

вил ей деталь. Теперь она не могла забыть установку. У неё была цепкая память, она быстро схватывала всё, быстро усваивала. Деталь она устанавливала сама. За соседними станками фрезеровщики могли сидеть, поджидая, пока к ним подойдёт установщик. Варенька делала всё без посторонней помощи. Она ставила деталь так, чтобы можно было работать за один заход. Она прикладывала деталь точно и сосредоточенно. В Варе осталось ещё много детского, про которое знала только она одна. Станок был для неё живым существом, она сердилась на него, если он её не слушался; у неё были любимые детали и нелюбимые, и она говорила, сконфууженно улыбаясь:

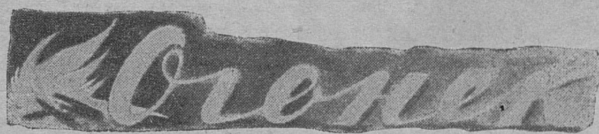
— Овальное окошечко — самая моя любимая деталь.

Ей дали ученицу. Ученицу звали Рая. Варенька прилежно ей всё объясняла, глядя на неё своими серьёзными глазами, но Рая дёргала плечиком и говорила:

— Ну чего ты на меня устанавли-
лась?!

В ней не было никакой серьёзности, и Вареньку это очень огорчало. Она обучила Раю, и та уже работала на станке одна, но относилась к делу бесечно и равнодушно. Варенька не могла этого понять. После Раи она обучила ещё нескольких учениц. В каждой она хотела видеть серьёзность, душевую заинтересованность в работе и радость, когда это получалось. Сама она устанавливала ответственность за детали, за весь заказ, за свой цех, за то, как будет вести себя изделие на фронте. Ей казалось, что всё это вытянуто в одну прямую, непрерывно тянущуюся линию и она тоже в этом ряду, с её умением, с её руками, со всем тем, что она может и хочет делать. Она не переставала приглядывалась к работе, придирчиво ища в ней пустот, которые можно заполнить, и радовалась, когда ей удавалось этого добиться.

Всё Варя делала очень спокойно, с внутренним достоинством и простотой. Если бы ей сказали, что она с её серьёзностью, с её умениями, неутомимыми руками, с её любовью к труду и всей её сложной судьбой, — если бы ей сказали, что вот она-то

А. Софронов

Синеглазую в станице
Называли «Ковылёк».
А на фронте имя дали —
«Синеглазый огонёк».
«Ковылёк» — за то, что гибкой
И бесшумною была;
«Огонёк» — за то, что в сердце
Много ласки и тепла.
Если вдруг казак в походе
О любимой загрузит,
На коне она подьедет.
Спросит: «Милый, что болит?
Не грусти, настанет утро
И тоска твоя пройдёт.
На неё казак посмотрит,
Улыбнётся и вздохнёт.

Если ночью на привале
Станет сердцу тяжело,
Подойдёт она, — и сразу,
На душе у всех светло:
Будто рядом увидали
В хате дальней огонёк,
Будто рядом услышали
Топот детских милых ног.
А когда перед атакой
Рвёт узду казачий конь,
Огонёк в глазах погаснет,
Вспыхнет пламенем огонь.
«Ковылёчек-огонёчек»
С казаками скачет в бой...
«Ковылёчек-огонёчек»
Синеглазый, дорогой.

«МЫ ОДЕВАЕМ КРАСНУЮ АРМИЮ»

М. Щелоков

«Мы одеваем Красную Армию» — так написано на полотнище при входе в ткацкую фабрику Ивановского меланжевого комбината.

Ровный шум ткацких станков не смолкает ни днём, ни ночью. Белая, ещё не окрашенная ткань — суровый — волнами падает вниз, и кажется, нет конца этому потоку. Миллионы метров ткани после отделки отправляются отсюда на швейные фабрики страны.

Посреди обширного цеха стоят в несколько рядов станки-автоматы знаменитого стахановского комплекта Евдокии Смирновой. Семь девушек обслуживают 48 станков, хотя по норме полагается обслуживать 24. Девушки отказались от подсобных работниц — съёмщиц готовой ткани — и выполняют их обязанности сами. Отказались они и от ремонтников: при хорошем уходе за станками поломок не бывает, а текущий ремонт молодые ткачихи давно уже освоили. В 1943 году ткачихи комплекта Смирновой выработали 71 тысячу метров ткани сверх плана. Из ткани, которая изготовлена ими в течение года, можно пошить одежду для 90 тысяч бойцов!

Война изменила ассортимент текстильных изделий. Пёстрые, яркие цвета уступили место строгим, защитным цветам. Возрос спрос на такие ткани, как трико, перкаль, бязь, диагональ, плотные полотна. Война потребовала также от текстильщиков увеличения продукции. Они трудятся неустанно и самоотверженно, чтобы полностью удовлетворить нужды фронта и тыла.

Молодая ткачиха Большой Ивановской мануфактуры Марфа Гурова рассказывает:

— Получила я письмо от своего друга пулемётчика с Ленинградского фронта. Сообщает он, что уложил в бою под Красным Селом 27 немцев. До этого работала я хорошо на 8 станках, но тут сразу поняла: мало этого, мало! Попросила дать мне 12 станков.

Одна работаю за шестерых, даю в смену без малого 400 метров ткани. Не успокоюсь я, пока не стану работать на 14 станках!

Примеру Гуровой последовали её подруга Елизавета Якимова и ещё 60 ткачих. Появился большой резерв свободных людей. Решили срочно ввести в действие 174 новых станка. Выработка ткани дополнительно увеличилась на 2 тысячи метров в смену!

Не так-то просто управлять 10—12 ткацкими автоматами. Станок требует внимательного, неослабного надзора. Надо вовремя сменить челнок, завести основную нитку после обрыва, держать в порядке основу, выполнять десятки других операций. Ткачихи ценят каждую минуту и даже секунду. Гурова и Якимова сократили срок смены челнока с 5 до 2 секунд, а заводку нитки ускорили с 29 секунд до 14. Только на двух этих операциях они выиграли время, которого хватает, чтобы выткать дополнительно за смену более 50 метров ткани! Потеря времени здесь сведена на-нет. Это и есть передовая культура текстильного производства. «Время — деньги», — говорят американцы. «Время — это ткань», — написано на об-

Заправщица основ Меланжевого комбината комсомолка М. Кисельва. Обслуживает 72 станка вместо 34 по плану. Норму выполняет на 198%.

шефзаводской доске показателей соревнования работниц Большой Ивановской мануфактуры.

Многими славными именами гордится город Иваново — город текстильщиков. На городской почтамт ежедневно поступают письма с коротким адресом: «Иваново, Фёкла Павловна Майорова». Пишут ей товарищи по профессии из Шуми и Ви-

Браковщица отделочной фабрики Меланжевого комбината комсомолка Галина Воробьева. Выполняет производственные задания на 140%.

чуги, из города Калинин и Орехова-Зуева, из Москвы и Ташкента. Пишут неизвестные бойцы с дальних фронтов. Чем же знаменита эта русская женщина с ясными, живыми глазами и приветливой улыбкой, награждённая в январе орденом Ленина? Фёкла Павловна — ткачиха комбина-

Ткачиха Меланжевого комбината комсомолка Полина Преснякова. Работая на 12 станках, выполняет норму на 190%. Дата обязательство перейти на обслуживание 24 станков.

Фото Ф. Суслова

та Ново-Ивановская мануфактура. В прошлом году она одна выткала сверх плана 70 тысяч метров ткани.

«Может быть, мой новый военный костюм шит из ткани, которую сработали вы», — пишет Майорова из-под Мозыря командир тяжёлого танка лейтенант Синезёров — Бойцы Красной Армии хорошо одеты. Спасибо вам, Фёкла Павловна, за вашу заботу о фронте...

Это драгоценное фронтовое спасибо Майорова заслужила по праву! Управляя 10 мощными станками, она обучила ткацкому делу многих молодых работниц. Одна из её учениц — Вера Панзина — пришла на фабрику год назад, а сейчас тоже обслуживает 10 станков и выполняет норму 3 квалифицированных ткачих. В первые же дни войны на текстильных фабриках в городе Иваново началось по почину Майоровой соревнование за лучшую помощь фронту, и оно стало теперь славной традицией.

и есть стахановка военного времени в душевном и ясном воплощении, — она, вероятно, удивилась бы и очень искренно не поверила, что это так.

Всё, что она делает, кажется ей естественным и совершенно простым, обычным. Она силится объяснить подробности своей работы, лицо у неё становится напряжённым, даже пот выступает на лбу, она смотрит вам прямо в глаза, и по лицу видно, что человек мучается оттого, что не может объяснить вещи, которые ей самой кажутся необыкновенно простыми.

После работы Варя идёт в госпиталь. Она оказалась толковой сестрой, и её берут помогать в операционную. Она держит в своих руках горячую, слабую руку раненого, ко-

торому делают операцию, видит бредящих, стонущих, убирает тазы с багровыми тампонами. Раненый красноармеец, лежащий на подушках, просит почесать ему правую ногу. Она отгибает одеяло и видит, что ноги нет, и под одеялом лежит забинтованная культя, а раненый всё просит почесать «под самым мизинцем, будь он проклят». И она жалеет этого человека, садится возле него и читает ему вслух.

Недавно Варя узнала о том, что их деревню освободили от немцев. Она послала матери громадное, счастливое письмо, но ответа не было. Она написала опять, и опять ответа не было, и, когда она навела справки, ей сказали, что немцы, отступая, угнали с собою её семью.

Всё в ней похолодело и застыло, и когда она пришла на завод, ей казалось, что даже руки у неё ледяные. Не было ни матери, ни маленьких братьев, даже избы не было, даже куточка, где она спала на деревянной кровати... Совсем одна, совсем одна, бедная Варя. Но станок заворчал возле неё, началась работа, и постепенно, понемногу она отогревалась возле привычных вещей, возле людей, делающих одно с нею дело, важное и необходимое для фронта.

Вечером она, как всегда, пришла в госпиталь.

— А у меня тридцать шесть и восемь, — сообщил ей раненый последнюю новость. Глаза его смотрели

радостно. — Наложили бальзамическую повязку. Профессор говорит, что не рана, а просто красotka...

— Молодец какой! — сказала Варенька и села возле кровати на стул.

Раненый покосился на неё и спросил:

— Чего такая невесёлая? Случилось что на заводе?

Варенька хотела рассказать ему про мать, про маленьких сестёр и братьев, про избы, которой уже нет, и раскрыла было рот, но увидела радостные, блестящие глаза раненого и ничего не сказала, а только молча, аккуратно поправила на нём одеяло.

Е. Величко

Рисунки Б. Дарана

Чукотка. Страна, отрезанная от мира: на суше — бездорожием, на море — большую часть года — штормами и льдами, а главное — расстояниями, подавляющими всякое воображение. Если взглянешь на карту, сочные цвета тона рисуют живописные долины, окаймлённые горными цепями, широкие пастбища с точёными фигурками оленей, лазурные волны прибоя.

Может быть, летом там есть что-нибудь подобное, но когда геолог Васильев в прозрачном полусвете октябрьского дня, выдавшегося на редкость — без тумана, — увидел чёрные скалы, отвесными стенами уходящие в чёрную воду залива, и белые полосы снега и льда, картина не радовала его глаз.

Впрочем, он недолго предавался размышлениям. Сбросив вещи в комматке, где ещё держался запах махорки от прежнего жилья, он представился начальству и сразу же с головой окунулся в дела. Главный геолог района Маков посвятил его в ход работы. Уже на третий день Васильев карабкался через скалистую гряду, отделявшую северный берег залива от южного. Хаотический беспорядок, učinённый морозами и солнцем за миллионы лет на небольшой каменной гряде, превосходил всё, что могли бы создать искусство и ухищрения военных инженеров, сооружающих препятствие для противника. Путь был нелёгкий даже пешему. Спутник Васильева, не уставая, чертыхался, подтягиваясь на уступах, и клялся всеми клятвами, что ноги его больше не будут в этом краю. Пропади оно пропадом и золото и те, кто его нашёл.

Но так как всё имеет конец, то кончилось и путешествие через хребтик, отнявшее на преодоление полуторакилометровой полосы всё светлое время суток. На южном берегу шла работа. Облазив разведочные шурфы, начатые с наступлением морозов, сковавших неукротимую летом воду, Васильев убедился в справедливости слов Макова о том, что природа, по-

ставив сюда копейкой, подарила рублём. Южный участок был во много раз богаче северного, где вокруг действующих рудников вырос посёлок. Азарт исследователя охватил Васильева. Закончив обследование, он вернулся назад с твёрдым решением работать на новых разведках.

Однако на совещании у начальника района вопрос о южном участке вызвал ожесточённые споры. Маков и Васильев настаивали на немедленном производстве работ, с тем чтобы за зиму дать добычу. Механики, горняки, топографы возражали. Скоро Васильев уяснил себе, что разногласия возникли исключительно из-за средств сообщения с южным участком. В самом деле, бессмысленно было проектировать работы, не имея возможности подвозить продовольствие, топливо, наконец, необходимые механизмы.

— Перед нами миллионы, необходимые стране. Неужели мы будем только смотреть на них и не сделаем даже попытки взять их! — воскликнул Маков. — Куда же к черту мы с вами годимся, если не можем даже сделать того, для чего нас сюда послали?

— А через хребтик вы порхать будете? — ехидно спросил механик.

— Идеи! Самолёт...

— Самолёта нет, — разрушил идею начальник района.

— Может быть, по льду залива?

— Здесь никогда не бывает сплошного льда. Его или крутит течением или торосит.

— Тогда в обход.

— Невозможно. На западе хребтик ещё более непроходим, чем у побережья.

— Ну, наконец, пробить дорогу напрямик.

— Да. Но для этого понадобится четыре — пять месяцев. Сейчас южный участок возможно только разведывать лёгкими, пешими партиями. Пока нет дороги, не может быть и

речи об эксплуатации. Другого выхода нет.

Доводы убедили Васильева. Он уже готов был присоединиться к такому решению, как вдруг Маков сказал:

— Есть другой выход. Букыс-херкан.

Действие этих непонятных для новичка слов на присутствующих было приблизительно таково же, как весть о прибытии настоящего ревизора на гоголевских героев. В воцарившейся немой сцене были представлены все возможные мимические выражения: проны, недоумения, растерянности. Лишь начальник района остался невозмутимым, если не считать того, что он так глубоко затянулся папиросой, что только на десятом или двенадцатом выдохе дым перестал выходить из ноздрей.

— Букыс-херкан? — переспросил он. — М-м-да, занятно. Вот что, товарищи. Насчёт букыс-херкана в кабинете ничего не решившись. Предлагаю перенести заседание на 27-е число.

Когда все, одевшись, вышли, Васильев спросил Макова:

— Что такое букыс-херкан?

— Ледяной нож по-чукотски. А в натуре — вот.

Они остановились у края залива. Здесь береговая заснеженная отмель упиралась в облизанные волнами скалы. Скалы тянулись на два с лишним километра непрерывной стеной, и нигде глазу не представлялось ни единой площадки, ни одного выступа, цепляясь за которые можно было бы карабкаться вдоль берега. Только на высоте двух — трёх метров над водой висел ледяной карниз, так же непрерывно, как и скалы, опоясывающий берег. Снизу его подмывали волны во время прилива, сверху обдавали солёные брызги, нарастая подмытый лёд, но из-за этого его поверхность была наклонена к морю, и смельчака, ступившего на этот карниз, поджидали опасности. Повидимому, лёд пред-

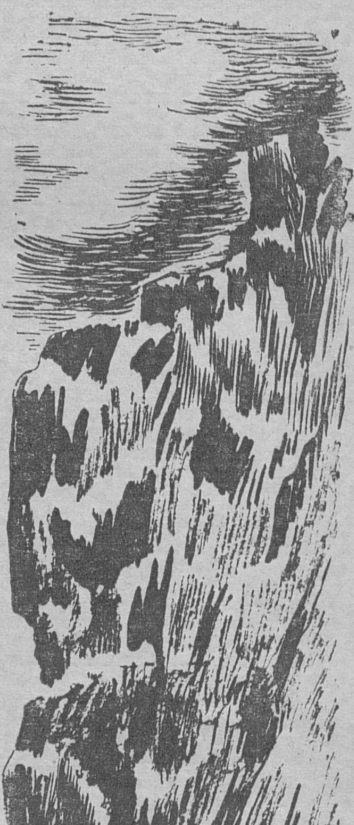
ставлял собой остатки берегового припая, образующегося при высоком приливе в сильный мороз. В отливе края льда обламывались от собственного веса и ударов волн, и только узкая кайма, разросшись в толщину, оставалась висеть над бурлящей бездной. Так вот что предлагал Маков в качестве дороги на южный берег!

Васильев с сомнением покачал головой. Этот путь не легче пути через скалы. На каждом шагу здесь таится гибель. Упавшему в воду спасения нет: плыть в ледяной каше одетому, в полярный костюм человеку невозможно: прибой разобьёт его о камни.

Должно быть, то же думали и остальные. Начальник района безнадежно махнул рукой.

— Где вы найдёте людей, которые согласятся путешествовать здесь? — сказал он Макову. — Нет, это неосуществимо.

— Осуществимо, — убеждённо возразил Маков. — Я разговаривал с чукчами, и они рассказывали, что не раз ходили по таким карнизам вдоль побережья, а где прошёл один, там пройдут и сотни. Нужно только ме-

Море глухо шумело внизу, по временам обдавая смельчаков холодным душем.

стами подрывать лёд, надеть на ноги стальные кошки, снабдить нарты хорошими подрезами — и я ручаюсь за успех.

— Но примите во внимание риск.

— Конечно, придётся вызвать добровольцев. А без риска работать нельзя. Если нас послали не на фронт, а сюда, то это не значит, что можно спать на перине в ожидании конца войны. Разрешите мне взять ответственность за переправу на себя.

— Если не отступаетесь, попробуйте, — подумав, согласился начальник района. — Делайте, что находите нужным.

Тогда Васильев неожиданно для себя вызвался сопроводить Макову в первом переходе. Не теряя времени, они взялись за подготовку, и уже на следующий день, едва забрезжило утро — что, впрочем, происходило в одиннадцатом часу дня, — оба путника стояли у начала «ледяного носа», прикрепляя к ногам кошки. Они связались верёвкой с таким расчётом, чтобы при возможном падении в воду не сдёрнуть другого за собой, дать спутнику возможность укрепитесь на льду и вытащить товарища.

Проверив ещё раз всю пригоночку снаряжения, они спустились на лёд, прождаемые пожеланиями успеха. С первых шагов путь показался Васильеву несложным. Стальные зубья кошек и палки с острыми наконечниками давали возможность уверенно держаться на поверхности льда. Однако как только прибрежные постройки скрылись за первым поворотом скал, жуткое чувство закралось в душу. Зловещая пустыня окружала их. Справа высились мрачные, голые скалы, возносившиеся к небу; их вершины скрывались в клубящихся туманах; подножье омывало море, катившее тяжёлые, чёрные валы по покрытому редкими у берега льдинами заливу. Волны глухо били о скалы, распыривая каскады холодных брызг; пена покрывала поверхность воды, и бесчисленные пузырьки её, лопахаясь, несмолкающе злобно шипели. Только узкая полоска льда была здесь ненадёжным другом среди враждебных стихий. Она шла то просторной дорогой, то суживаясь так, что вдвоём на ней можно было разойтись, лишь прижавшись вплотную к скале.

Неожиданно Васильев пошатнулся и сел, инстинктивно уцепившись за неровности льда. Шедший впереди Маков бросился к нему.

— Ничего, ничего, — успокаивающе сказал Васильев, — просто голова закружилась от беспрерывного движения моря.

— Не смотрите в воду, — посоветовал Маков. — Это как переход через быструю речку по бревну: приглядывайтесь к неподвижному.

Передохнув, они пошли дальше. Маков отмечал участки, где нужно выровнять лёд. Васильев замечал на память пройденное расстояние, но как он ни старался отвлечься и не смотреть в море, оно неудержимо влекло его в пенную пучину, вскипающую при каждом накате прибой.

Наконец, вдали показалась отшель южного края залива. Через полчаса путники стояли на твёрдой земле и пожимали руки тем, кто никак не мог их ожидать. Они закусили и пошли назад, с трудом уговорив заражённых таким примером охотников не сопровождать их без специального снаряжения. Ещё до темноты они вернулись в посёлок с уверенностью в проходности буксы-хермана для пешехода; оставалось решить, удастся ли перевозить по нему грузы.

Во всяком случае, Маков получил разрешение действовать по своему плану. Несколько нарт были окованы узкими и острыми стальными подрезами, сзади приделали прочные ручки для управления саями. По

Будущие офицеры Красной Армии и флота. На верхнем снимке: группа воспитанников Суворовского военного училища в городе Кутаиси со своим руководителем майором Ф. Н. Батлук. На нижнем снимке: воспитанники Нахимовского военно-морского подготовительного училища в Тбилиси. Слева направо: комсомолец Василий Чертенко, награждённый орденом Красной звезды и значком «Отличный разведчик»; Юрий Потапов, награждённый медалью «За боевые заслуги»; Борис Кулешин, награждённый орденом Красной звезды и медалью «За оборону Севастополя»; комсомолец Валерий Лалин, награждённый медалью «За боевые заслуги».

Фото М. Квирикашвили и В. Русенко (ТАСС)

совету Васильева, упряжку оставили собакою, пугом, а для собак шили специальные сапожки со штами.

Умные животные, протестуя, позволяли надеть на себя непривычную обувь и отправились в пробную прогулку без нарт по ледяной кромке. К этому времени там подчистили опасные места, но при этом края карниза частью обрушились, и на отдельных участках ширина его едва достигала метра. К удивлению людей, собаки вели себя свободно и даже пытались затеять драку.

Наконец решили сделать первый рейс.

Нагрузили нарты проловольствием, впрягли четырёх собак и тро-

нулись в опасный путь. Пионеры его никому не уступили чести совершить первую поездку: Маков шёл впереди, ведя собак, Васильев — сзади, направляя рычагом ход нарт. Дул резкий ветер, обычный здесь в это время года; море глухо шумело внизу, по временам обдавая смельчаков холодным душем, покрывавшим одежду звенящими сосульками льда. Собаки, распластавшись, медленно тянули сани, забыв о своих раздорах. Изредка нарты скользили вбок, и тогда у Васильева словно обрывалось что-то в груди и пот выступал на лбу несмотря на мороз; но сильным рывком он ставил полозья в прорубленные на опасных местах канавки, нетерпеливо поглядывая на метки, означавшие пройденное расстояние.

— Ура! — крикнул он, когда показался южный берег, но в тот же миг звонкий грохот разламывающегося льда заставил прижаться к скале. Край льда под левым полозом рухнул, подняв фонтан брызг. Васильев едва удержал нарты за рычаг, не будучи в силах подтянуть их ближе.

Прошло несколько минут, прежде чем он решился пошевелиться. Напуганные собаки прижались к скале, мешая Макову подойти к саням. Наконец он отрезал постромки. Освобожденные животные немедленно пустились наутёк.

Вдвоём люди вытянули нарты из аварийного места и уже без происшествий достигли берега. Победа была одержана.

НАУКА НА СЛУЖБЕ НАРОДА

В. Л. Комаров,

В нынешней войне человечество с оружием в руках защищает от гитлеровских варваров не только свободу и независимость народов, но и культуру и прогресс. Фашистские разрушители культуры посягнули также и на науку, на её тысячелетние завоевания. В гитлеровском «новом порядке» наука обречена на истребление и гибель. Наука встала на защиту всего живого, разумного и свободного от фашистского варварства и мракобесия.

В Советской стране наука уже давно вышла за пределы узкого, замкнутого мира. Она связалась с жизнью народа тысячами прочных, верных уз, она слилась с интересами советского общества, она стала народной в таком масштабе и в такой степени, как никогда и нигде ещё до сих пор. И в Отечественной войне советского народа наука решительно заняла место на линии огня.

Третий год войны ознаменовался величайшими победами Красной Армии. Под Сталинградом и Ростовом, Орлом и Белгородом, под Смоленском и в Донбассе, под Киевом и Ленинградом сталинский гений, воинское умение наших бойцов и офицеров нанесли сокрушительные удары по врагу. С каждым часом приближается наша окончательная победа.

Героическое трудовое напряжение всего советского народа сливается с героической борьбой Красной Армии. Победа над врагом завоевывается не только на поле брани. Наука, техника, искусство — все отрасли человеческого знания несут свой вклад в арсенал мощи Советской страны.

Отечественная война доказала не только наше морально-политическое, организационное и стратегическое преимущество над врагом: она продемонстрировала всему миру превосходство и мощь нашей боевой техники. В этом немалая доля усилий и труда советских учёных, свидетельство громадного развития научной работы в нашей стране.

Сейчас ещё не время говорить об открытиях и изобретениях советских учёных, нашедших своё практическое применение в войне. Можно только сказать, что большие успехи были достигнуты в области освоения ресурсов восточных областей СССР для нужд фронта, в области усовершенствования и изобретения различных видов вооружения, в решении проблемы расширения пищевых ресурсов страны, в медицинском обслуживании Красной Армии, обеспечивающем возвращение в строй свыше 70% раненых бойцов, и т. д.

Большое количество советских научных институтов и многие отдельные учёные отмечены в дни войны высокими правительственными наградами. Среди них: Государственный оптический институт, руководимый академиком С. И. Вавиловым, — за усовершенствование некоторых видов вооружения, Институт физических проблем, руководимый академиком П. Л. Капицей, — за разработку метода получения жидкого кислорода, академики А. И. Бах, И. П. Бардин, В. А. Обручев и десятки других виднейших учёных — за выдающиеся заслуги перед страной. Некоторые советские учёные удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. Это звание присвоено академику Н. Н. Бурденко за самоотверженную работу по организации хирургической помощи бойцам и командирам Красной Армии, раненым в боях с немецкими захватчиками, академику А. Н. Крылову — за достижения в области теории и практики отечественного кораблестроения, академику А. А. Богомольцу — за создание ценнейших препаратов для лечения ран и переломов костей.

Ярким свидетельством расцвета советской науки в дни войны явились прошедшие выборы в Академию наук. На 78 вакансий в действительные члены и члены-корреспонденты Академии поступило около 700 представлений. Если армия советских научных работников выдвигает такое большое количество выдающихся учёных, — значит неиссякаемы творческие силы нашего народа.

Советские учёные, вносящие свой вклад в дело борьбы с врагом, трудятся сейчас для окончательной победы над ним и восстановления разрушенного хозяйства в освобождённых районах. Наши задачи грандиозны. Мы должны в короткий срок добиться того, чтобы на опустошённой немцами земле из обугленных развалин вновь поднялись и расцвели наши города и сёла. Они будут ещё бо-

Лауреат Сталинской премии, президент Академии наук СССР В. Л. Комаров.

гаче и краше, чем были до войны. Наши шахты, заводы и колхозы не только возродятся, но будут работать ещё интенсивнее, с ещё большим размахом, на благо нашему народу и нашей великой родине. Помочь в этом родной стране — почётная и благородная задача советских учёных.

Вот некоторые темы, над которыми работают сейчас или будут работать в ближайшем будущем отделения и институты Академии: изыскание новых сплавов для оборонных и народнохозяйственных нужд, использование твёрдого топлива, искусственное жидкое топливо и заменители нефти, изыскание новых марок высококачественной легированной стали, удовлетворяющей требованиям машиностроения и котлостроения, проблемы получения высоких и стойких урожаев, повышение продуктивности животноводства, технические проблемы восстановления Донбасса и чёрной металлургии Юга, пути использования минеральных, сельскохозяйственных и лесных ресурсов Урала, Поволжья и Прикамья, изучение нефтеносности Второго Баку, и т. д., и т. п. Этот перечень характерен и тем, что в нём нашли себе место многие послевоенные проблемы. Наряду с разработкой практических вопросов Академия интенсивно продолжает работу над рядом теоретических научных проблем в тех отраслях науки, которые, на первый взгляд, не имеют прямого прикладного значения. Сущность и цели этих работ полностью скажутся в послевоенное время. К каким темам принадлежит, например, разработка вопроса о космических лучах и атомном ядре, изучение свойств тел вблизи абсолютного нуля температуры и т. д.

Среди намеченных Академией новых исследовательских работ следует отметить работу по изучению океанологии Тихого океана. Последняя русская экспедиция с этой целью была отправлена на пароходе «Витязь» в 1886 году.

Трудно в небольшой статье рассказать обо всём, над чем работают и будут работать наши учёные во всех областях знания. Приближение часа победы и возмездия окрыляет советских учёных в их труде на благо родины, на процветание советской науки.

Товарищ Сталин высоко оценил работу советской интеллигенции в дни войны. Дело чести советской интеллигенции — в ответ на эту оценку вождя — работать ещё больше, напряжённее и продуктивнее для борьбы и победы, для грядущего мира.

КРАИ ДЕТСТВА

Николай Рыленков

У зимы серебряная сбруя,
Расписной с разводами возок.
В руки вожжи тонкие беру я —
Путь далёк, да бубенец высок.
На морозе кровь не стынет в теле,
Чует ветра близкое родство.
И несут, несут меня метели
В край счастливый детства моего.
Всё, чему мы в снах заветных верим,
Там увидеть можно наяву.
На заре войду я в старый терем,
Бабушку-ведунью позову.
Высока над теремом заря,
Я скажу ей: «Добрая ведунья,
В голубые ночи полнолуния
Собирала травы ты не зря.
Брось пучок на уголья в печурку,
Сладким дымом, как в былые дни,
Сивку-бурку, вещую каурку,
Из лесов дремучих примани.
Пусть быстрее ветра, легче пуха
Прилетит она, разгорячася,
Влезу к ней, как ты учила, в ухо,
А в другое вылезу потчася».
Где ты, терем, тёплая печурка?
Я махнул рукой — и был таков.
Расстилает гриву сивка-бурка
Выше леса, ниже облаков.
Пролечу невидимой дорогой,
Опущусь на луг зелёный тот,
Где олень пасётся златоторгий,
Золотое дерево растёт.
Разве это сон мой, в самом деле,
А не явной яви торжество?
Всё быстрее несут меня метели
В край счастливый детства моего.
Я за этот край ходил под пули,
Я, как счастье нашего залог,
В пламени, в дыму, в железном гуле
Этот край от недруга сберёг.
Мне везде за фронтовой дорогой
Виделся зелёный берег тот,
Где олень пасётся златоторгий,
Золотое дерево растёт.

РАКИТА

Антон Прищелен

Луг зелёный,
Край широкий,
Ковыли да жито.
В чистом поле, у дороги,
Там стоит ракита,
Дым ковыльный,
Шум колосьев,
Конопляный ветер.
Сколько лет ей, сколько вёсн, —
Разве кто ответит?
Той дорожкой полевою,
Мимо той ракиты
Проскакали мы в ночное
В детстве незабытом.
И когда мы шли на битву —
В гнев и печали, —
Мы под этою ракитой
Землю целовали.
Ту, что всю мы исходили,
Всю исколесили,
Что одну до слёз любили
И забыть не в силах.
В бой идёшь иль после боя
По земле разбитой, —
Далеко перед собою
Видишь ты ракиту,
Всё стоит,
Как мать седая
Над сыновним следом, —
Нас, родная, поджидает,
С миром и победой!

ХАРЬКОВ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Немецкие варвары за два года оккупации нанесли огромный ущерб всему хозяйству Харькова. Они разрушили 50% жилого фонда, лучшие школы, театры, клубы, здания общественных учреждений, энергетическое и коммунальное хозяйство, заводы и фабрики.

Первая задача состояла в том, чтобы обеспечить население водой, хлебом, светом. Начались восстановительные работы. Часть города получила воду в сентябре. В настоящее время воду получают жители всех районов. Восстановлена разрушенная турбина электростанции. В Харькове стало светло. Пущен трамвай. Отметим, кстати, что немцы не сумели парализовать трамвайное движение.

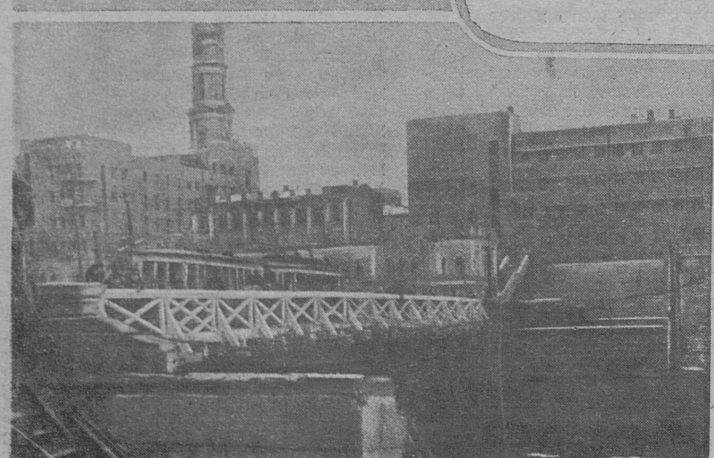
Построены магистральные мосты и путепроводы, которые связывают все части города. Отремонтированы мельницы и хлебозаводы, дающие 150 тонн хлеба в сутки. Полностью восстановлены 150 столовых. Открыто 78 школ и 50 детских садов. Органы здравоохранения развернули сеть лечебно-профилактических учреждений: 13 районных больниц, 17 поликлиник и много других специальных лечебных учреждений.

Возвращаются научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения. Многие из них уже возобновили свою деятельность. Прибыли харьковские ученые, мастера искусства, литераторы, специалисты, которые привнесли за восстановление своего любимого города. Открыты театры и кино.

Харьковчане не только заживают тяжёлые раны, нанесённые городу немцами, но и принялись за его благоустройство. Трест зелёных насаждений высадил на улицах и в парках Харькова свыше 30 тысяч деревьев. Другой трест — Саночистка — начал уборку города, которая не производилась в течение двух лет немецкой оккупации. Жилищное управление, а также само население ремонтируют жилые дома. За последние три месяца 1943 года отремонтировано около 200 тысяч квадратных метров жилой площади. Отремонтированы 3 гостиницы.

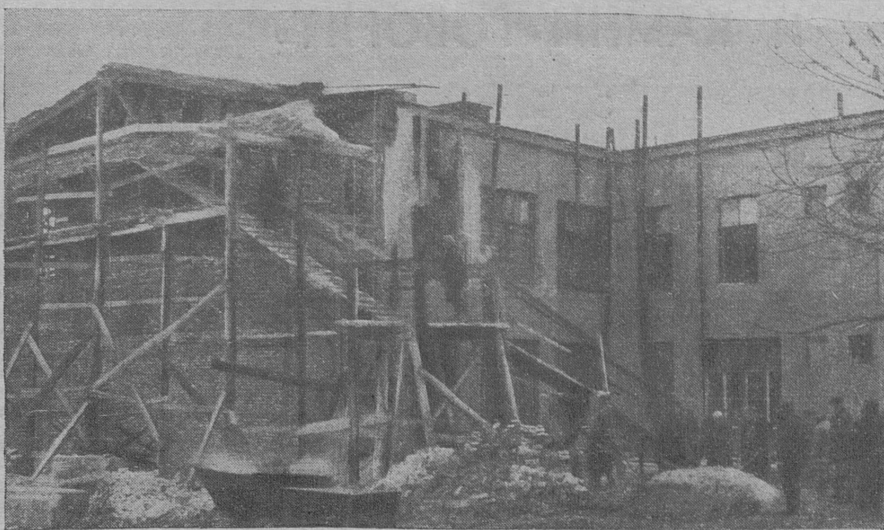
В начале 1944 года начал работать газовый завод.

Харьков поднимается из руин. Харьков, один из крупнейших индустриальных и культурных центров Советского Союза, будет быстро возрождён.

На верхних снимках: слева — вид на Екатеринославскую улицу; справа — Сумская улица. Возобновились занятия в Харьковском университете: на снимке слева: в аудитории литературного факультета. Справа: занятия на химическом факультете; студентки 3-го курса Надя Приступа и Надя Колесниченко в лаборатории. На третьем снимке слева: открылся ещё один кинотеатр. На нижних снимках: по вновь отстроенному мосту проходит трамвай (слева); отремонтирована гостиница «Интурист» (справа).

Фото специального корреспондента «Огонька» В. Ревика

Харьковский тракторный завод восстанавливается. Отстраиваются и ремонтируются заводские корпуса и цеха. В некоторых цехах уже началась работа. На снимке слева: лучшие Формовщицы Е. Богацкая и Ф. Горячковская, вырбатывающие 200% нормы.

Молодой стахановец «ХТЗ» токарь Ваня Сухомлин также выполняет норму на 200%. Самоотверженно трудятся рабочие на восстановлении родного завода. Им в этом помогают крупнейшие заводы страны, в порядке шефства изготавливающие оборудование для «ХТЗ».

В детских яслях № 19 ребята окружены материнской заботой и вниманием. Они получают здесь отличное питание и быстро восстанавливают своё здоровье, подорванное голодом в дни фашистской оккупации.

На снимке: Валя Мартыненко играет свою любимую песню. На левом снимке: в магазине «Гастроном» № 2 получена партия продуктов.

«И КАМНИ ГОВОРЯТ»

Э. ФИНН

Из тысячи научных трудов академика А. Е. Ферсмана добрая половина посвящена исследованиям камней.

Академик А. Е. Ферман.

Увлечение А. Е. Ферсмана самоцветами началось более тридцати лет назад, когда судьба занесла молодого тогда учёного на остров Эльбу. Здесь «среди южной ласкающей при-

роды Средиземного моря дивный розовый турмалин так прекрасно гармонировал с серой гранитной породой, а сверкающий красной сталью гематит ярко блестел и ослеплял глаза». Особенное внимание исследователя привлекал алмаз, изучению которого он посвятил несколько лет, посетив крупнейшие гранитные фабрики и ювелирные фирмы Европы.

Любовь к самоцветам привела А. Е. Ферсмана в дебри Урала, на Алтай, в Забайкалье. Известны слова А. М. Горького, относящиеся к неугомонному искателю камней — А. Е. Ферману: «По Уралу, в непроходимых горах, бродят, составляют фантастические коллекции драгоценных камней для Академии Наук. Месяцками не видят куска хлеба. Справивается, чем живы? Охотой живы, как дикири, да-с. И это знаете-ли, не Калифорния, не золотая лихорадка. Бесребренники, а не добытчики в свой сундук. Гордиться надо таким народом...»¹.

Многие месяцы прожил А. Е. Ферман среди гранитщиков Колыванской и Петергофской фабрик. Почти три года он изучал содержимое сундуков в кладовых Оружейной палаты. Это привело к написанию четырёхтомной монографии «Алмазный фонд СССР», где обстоятельно рассказана история «бриллиантовой комнаты» и сказочных богатств русских царей. Описываются короны, регалии, звёзды, диадемы, восстановлена история таких знаменитых камней, как алмаз «Орлов».

В последние годы внимание учё-

1 К. Федин «Горький среди нас». Гостиниздат. 1943.

го привлекали цветные камни для архитектурного строительства. В коловнах Киевской станции метро с их замечательным мрамором-опалом из Армении и в нежно-розовых полосках уральского орлеца на станции «Маяковская» А. Е. Ферман читает великое будущее наших самоцветов и пёстрых мраморов.

«Будущее камней не в их ценности, не во вложенном в них богатстве, а в их красоте, в гармонии красок, цветов и форм, в их вечности... И я понял, что нельзя их более называть «драгоценными камнями»... Мы должны говорить о самоцветах, о камнях, сам цвет которых определяет их ценность». И новая капитальная работа А. Е. Ферсмана о камнях, начатая ещё в 1918 году, называется «Самоцветы». В ней рассказывается о значении камней в истории культуры, в живописи, строительстве, валянии, науке.

Источниками для этой работы служат многочисленные, с пожелтевшими от времени листками записные книжки. Немало взято из архивов. Но в целом материал, составляющий монографию, пронизан духом природы, у которой автор подслушал многие из её тайн. Недаром на первой странице монографии в качестве эпиграфа значится: «И камни говорят».

* *

Пёстроцветные камни находят всё более и более широкое применение в строительстве новой Москвы и других городов СССР как декоративный материал. Истории применения этих камней — агатов, мраморов и яшм — автор «Самоцветов» уделяет особое внимание. Он рассказывает о несметных мраморных богатствах нашей страны, вскрытых в наши годы, о советских мраморах. Он рисует заманчивые перспективы применения этих камней в строительстве.

С большим интересом узнаешь историю замечательных камней — тех,

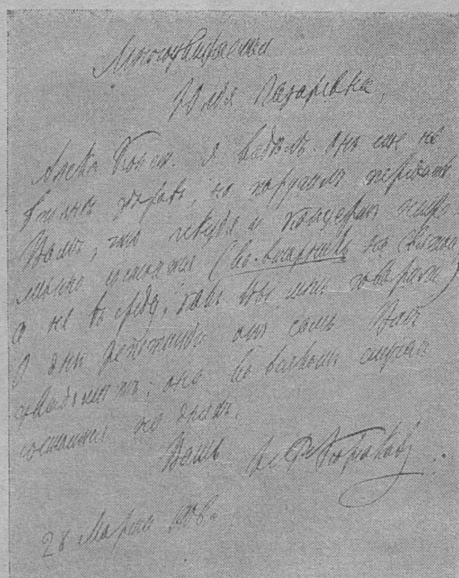
что известны уже много веков и имеют значительную литературу. Это знаменитый алмаз «Шах», подаренный персидским шахом русскому царю вскоре после убийства А. С. Грибоедова, это изумруд горного начальника из Екатеринбурга Кокочина — крупнейший в мире кристалл изумруда в 2226 граммов! Сюда же относятся «лазуритовый слон» и китайские нефриты, о которых ещё в 1000 году до нашей эры была написана стотомная монография.

Хорошо зная историю знаменитых русских фабрик — гранитной Колыванской и шлифовальной Петергофской, — академик Ферман с увлечением рассказывает об изумительном искусстве русских мастеров, создававших уникальные ценности. Нельзя без волнения читать главы, посвящённые Петергофу, ныне разграбленному и варварски уничтоженному немецкими вандалами. Подробно описана знаменитая янтарная комната дворца в Пушкине (бывшее Царское Село), янтарь из которой гитлеровские разбойники увезли в Германию.

Камень в древности, в Индии, Египте, Греции и Риме, роль камня в средние века и в новое время, камень в искусстве и технике, в поэзии и народном творчестве — обо всём этом рассказывается в монографии.

«Хочу, — говорит А. Е. Ферман, — чтобы она была полезна не только геологам, минералам и строителям. Я надеюсь, что писатели и поэты найдут в этой книге новые формы творческого восприятия природы, что историки сумеют ещё глубже познаться с ролью камня в истории культуры. Хочу, чтобы психологи, историки человеческой души, обратили внимание на замечательные образы людей повседневного труда, борющихся за овладение природой... Моя работа — плод тридцатилетних переживаний и воспоминаний о самоцветах, в которой все факты и явления взяты из самой жизни...»

АРХИВ РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Неопубликованное письмо Н. А. Римского-Корсакова к своей ученице (последствия — неизвестны), композитору Ю. Л. Вейсберг (1878—1942 годы).

Из приобретений Ленинградской Публичной библиотеки за годы Отечественной войны

симфонических и камерных произведений, инструментальных и вокальных: третья симфония, наброски для четвёртой симфонии, увертюры на русские темы, фантазия на сербские темы, партитура русской песни «Дубинушка», большое число романсов и т. д. Среди них имеются и неизданные вещи.

В архиве находятся музыкальные автографы и других композиторов в обработке Н. А. Римского-Корсакова — автографы Мусоргского, Даргомыжского, Бородина, Балакирева и др.

Из литературных автографов Николая Андреевича интересны статьи его по теории музыки, автобиография и отрывки из дневника¹.

Очень богата эпистолярная часть архива, содержащая как письма самого композитора, заботливо собранные его вдовой², так и письма к нему.

Из писем Н. А. Римскому-Корсакову наиболее значительны письма к В. И. Бельскому — 148 писем, к В. В. Ястребцеву — 149, А. А. Ястребцевой — 8, к издательнице «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзену — 36, к музыковедам Г. Н. Тимефееву — 18 и К. Н. Чернову — 6, к языковеду-слависту С. К. Булину — 2 письма и др.

Писем к Н. А. Римскому-Корсакову очень много, их свыше 1300. Среди его корреспондентов — лучшие представители русской интеллигенции, крупнейшие деятели искусства и литературы.

Многие из писем Н. А. Римского-Корсакова и его друзей до сих пор не опубликованы.

Из деловых бумаг архива особенно интересны материалы о революционном движении в Петербургской консерватории в 1905—1906 годах и документы по делу об увольнении Н. А. Римского-Корсакова из профессорской консерватории.

А. Н. Михайлова

¹ Н. А. Римский-Корсаков «Музыкальные статьи и заметки». СПб. 1911.

² Часть писем Н. А. Римского-Корсакова поступила в состав других фондов.

БОЕВОЕ ЕДИНСТВО СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

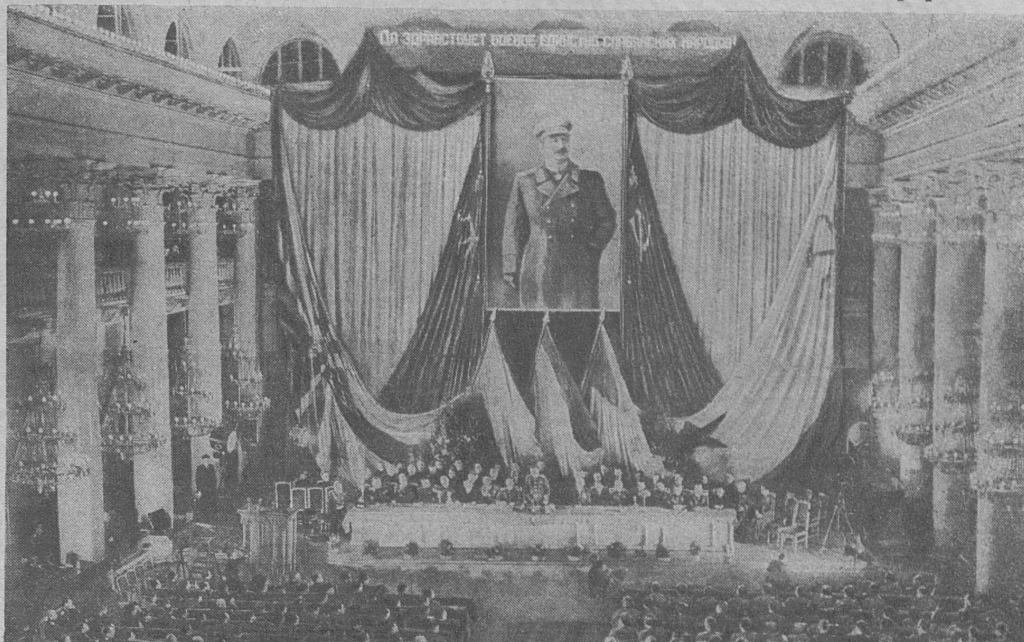
В Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялся митинг славян-воинов, созданный Всеславянским комитетом. На митинг собрались представители Красной Армии и Военно-Морского Флота, Польского корпуса, чехословацких воинских частей и Югославской воинской части в СССР.

Все выступления участников митинга были проникнуты ненавистью к фашистским поработителям и решимостью сражаться до полной победы над общим врагом всех славянских народов — гитлеровской Германией.

Участники митинга приняли приветствия Сталину, Черчиллю, Рузвельту, Бенешу и Броз-Тито, а также обращение ко всем славянским народам, в котором призывают крепить боевой союз и дружбу славян и подняться на решительный бой с врагом за свою честь, свободу и независимость.

На снимке: общий вид митинга славян-воинов в Колонном зале Дома союзов.

Фото Р. Лагража.

Слева направо: 1. Председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант Александр Тундоров. 2. Командующий 1-м Польским корпусом в СССР генерал Зигмунд Берлинг. 3. Командир Чехословацкой бригады в СССР генерал Людвик Свобода. 4. Герой Советского Союза гвардии подполковник Гавриил Половечен. 5. Капитан Югославской части в СССР Милотин Перишич.

Слева направо: 1. Дважды Герой Советского Союза гвардии майор Александр Молодчий. 2. Капеллан 1-го Польского корпуса майор Франтишек Кубиш. 3. Командир Югославской воинской части в СССР подполковник Марко Месич. 4. Священник майор Югославской воинской части в СССР Дмитрий Цветков. 5. Герой Советского Союза капитан 2-го ранга Николай Лукин.

Слева направо: 1. Офицер Чехословацкой бригады Михай Петро. 2. Хорунжий 1-го Польского корпуса в СССР Прия Ганкевич. 3. Рядовой Югославской воинской части в СССР Авте Шторник. 4. Герой Советского Союза генерал-майор Тимофей Шкрьлев. 5. Четарж Чехословацкой воинской части в СССР член Всеславянского комитета Иван Турачина.

Искусство

Сцена на спектакли «Давным-давно» в Центральном театре Красной Армии: Шура Азарова (заслуженная артистка республики Л. Добржанская) у фельдмаршала Кутузова (заслуженный артист республики А. Хохлов).

В ТЕАТРЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Театр, носящий в течение полутора десятилетий имя Красной Армии, с первых же дней Великой Отечественной войны показал себя достойным этого высокого звания.

Будучи почти два года в Москве, Центральный театр Красной Армии выпустил много новых патристических спектаклей, показавших высокое мастерство актёров и постановщиков. Заслуженным успехом пользуется прекрасный, лирический и глубоко патристический спектакль из эпохи Отечественной войны 1812 года «Давным-давно» А. Гладкова. Центральный театр Красной Армии выпустил много новых патристических спектаклей, показавших высокое мастерство актёров и постановщиков. Заслуженным успехом пользуется прекрасный, лирический и глубоко патристический спектакль из эпохи Отечественной войны 1812 года «Давным-давно» А. Гладкова. Центральный театр Красной Армии выпустил много новых патристических спектаклей, показавших высокое мастерство актёров и постановщиков. Заслуженным успехом пользуется прекрасный, лирический и глубоко патристический спектакль из эпохи Отечественной войны 1812 года «Давным-давно» А. Гладкова.

В Свердловске же А. Попов ставит пьесу А. Ржевского и Каца из эпохи гражданской войны «Олеко Дундич», «Фронт» А. Корнейчука и пьесу о партизанском отряде московских студентов, отважно и умело действующих в тылу у немцев, «Бессмертный» А. Арбузова и А. Гладкова. На сцене ЦТКА в дни войны появились «Нашествие» Л. Леонова, комедия А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «Коварство и любовь» Шнйлера.

Стремясь ускорить выпуск пьесы «Дым Отечества» братьев Тур и Шейнина, многие артисты театра помогали в бутфорской, столлярной и других мастерских, и спектакль был выпущен в кратчайший срок.

Артисты театра много раз выезжали концертными бригадами на фронт. Получив первое «боевое» крещение в июне 1941 года близ румынской границы, актёр-

ские бригады Театра Красной Армии побывали почти на всех фронтах Отечественной войны — от Карелии до Чёрного моря.

Наднях состоится «юбилейный» двухтысячный концерт. Из этих двух тысяч концертов, данных артистами ЦТКА за период войны, около 1400 шли непосредственно на фронтах, куда выезжали заслуженные артисты А. Хованский, Н. Козлов, В. Окунева, П. Константинов и другие. На фронте побывал и художественный руководитель А. Попов.

Иногда цифры убедительнее слов. Одиннадцать артистов театра дали на фронте свыше пятисот концертов каждый. Баянист Фёдоров участвовал в 1238 концертах, режиссёр А. Шапс — в 1044, артистка Н. Володкина — 1034. Несколько участников фронтовых бригад награждены орденами и медалями.

В лесу и в поле, в полуразрушенных сараях и землянках, на грузовиках и в палатках полевых госпиталей выступали на фронте артисты театра. Они играли в любую погоду, иногда под дождём и снегом; играли в непосредственной близости от противника и в только что освобождённых деревнях.

Однажды во время концерта связи, присутствовавшие в зрительном зале — в полуразрушенной избе, — включили телефонные трубки и таким образом транслировали выступление артистов для тех бойцов, кто находился в боевом охранении. По окончании концерта дальние «телефонные слушатели» по полевому телефону благодарили артистов за доставленное им удовольствие и сожалели только о том, что не могли их увидеть.

Однажды миномётчики подробно объяснили артистам устройство миномётов,

а потом предложили в честь Центрального театра Красной Армии дать залп по немцам. Тут же артист А. Борисов сделал на мине надпись: «ЦТКА». Был дан миномётный залп.

В Театре Красной Армии растёт толстая пачка писем и документов. Здесь благодарности артистам от командований фронтов, армий, полков, от бойцов и офицеров. Н-ский госпиталь горячо благодарит артистов, которые «умеют заставить раненых на время забыть физические страдания и по-настоящему отдохнуть».

К раненым артисты относятся особенно тепло. Недавно театр провёл «день культурного отдыха и обслуживания раненого бойца», посвящённый 26-й годовщине РККА. Артисты, пожертвовав своим выходным днём, выступали в трёх госпиталях. Они побывали у раненых лётчиков, моряков, танкистов и пехотинцев. Было исполнено 236 номеров, дано 20 концертов, из них 17 непосредственно в палатах госпиталей.

За пятнадцать лет существования Центрального театра Красной Армии на его сцене были воспроизведены образы великих полководцев прошлого и прославленных героев современности.

Грандиозный зрительный зал ЦТКА всегда полон. Это естественно: бойцы, офицеры, генералы особенно охотно идут в «свой театр».

Т. Кулаковская

РУССКИЙ РОМАНС

Цикл концертов В. А. Давыдовой

Московская филармония организовала цикл концертов заслуженной артистки РСФСР и Грузинской ССР Веры Александровны Давыдовой.

Цикл этот посвящён русскому романсу в его историческом развитии — от последнего десятилетия XVIII века до наших дней.

В первом концерте артистка исполнила свыше двадцати вокальных произведений мастеров конца XVIII и начала XIX века.

В. А. Давыдова исполнила все романсы с тонким чувством стиля, захватив слушателей красотой и благородством великолепного голоса и безупречной дикцией.

Слушая музыку, которой увлекались ещё наши предки, думаешь о путях русского искусства, о его высших стремлениях к правдивости, искренности и подлинной человечности. Мастера русской музыки постигли глубочайшие тайники человеческого сердца. И высокий трагизм, и напряжённая драматичность, и тонкая лирика, и очаровательная грация, и юмор — весь строй человеческих чувств воплощён в художественных образах раннего русского романса, подготовившего дальнейшее победоносное развитие вокального творчества классического периода.

Заслуженная артистка республики В. А. Давыдова.

В программу второго концерта вошли романсы Глинки и Даргомыжского; третий концерт будет посвящён вокальному творчеству мастеров «мечтательной кучки» — Балакирева, Кюи, Бородина, Римского-Корсакова и Мусоргского; в четвёртом концерте исполняются романсы А. Рубинштейна, Чайковского, Танеева и Аренского; в пятом и шестом — русских композиторов следующих поколений.

Седьмой, заключительный концерт посвящён теме родины в вокальном творчестве русских композиторов всех поколений — теме, которая с особенной силой звучит в русском искусстве в дни великих испытаний и битв.

Игорь Бэлза

КОНЦЕРТЫ ЕКАТЕРИНЫ ОРЛЕНОВОЙ

Более тысячи концертов провела на фронте заслуженная артистка республики Екатерина Орленева.

Большой мастер русской народной песни, Орленева вкладывает в своё исполнение всю душу, любовь к родной природе, людям. Когда слушаешь эту певицу, перед тобой встают близкие и трогательные образы, милые и любимые с детства, сердце преисполняется гордостью за свою отчизну, за её песни, то грустно-задумчивые и задумчивые, то весёлые и раздольные, широкие и могучие, как широка и могуча наша мать-родина.

Долгое время Орленева вместе с группой артистов выступала на Западном фронте. На концертах нередко приходилось петь до хрипоты, так как войны — её слушатели, покорённые обаянием русской песни, не отпускали певицу и делали всё новые и новые «заказы».

Одной из первых Орленева разучила и стала исполнять новые боевые песни советских композиторов. Эти песни широко распространялись в армии, бойцы записывали их слова, разучивали и часто шли с ними в бой.

Заслуженная артистка республики Екатерина Орленева.

Большую и плодотворную работу Орленевой прервало тяжёлое ранение. В сентябре 1941 года артистка вместе с группой своих товарищей торопилась на концерт в воинскую часть. В это время налетели вражеские самолёты, и Орленева была тяжело ранена осколком фугасной бомбы. Артистка потеряла много крови, её на самолёте доставили в Москву. Здесь ей пришлось перенести восемь операций. Жизнь Орленевой удалось

спасти, но был потерян глаз. Четырнадцать месяцев врачи запрещали ей выступать.

Работа Екатерины Орленевой на фронте была оценена правительством, удостоившим её звания заслуженной артистки республики.

В прошлом году артистка Орленева удостоилась большой чести. Она приехала в гвардейскую часть, покрывшую себя славой многих замечательных побед. Гвардейцы, выстроенные квадратом, слушали своего командира, который говорил о войне-пении Екатерине Орленевой, её преданности и любви к родине, мужестве и самоотверженности, с какими она работает на фронте с первых дней войны. «Всё это», — сказал командир, — делает её достойной носить гордое звание гвардейца».

Командир подошёл к взволнованной Орленевой, прикинул к её груди гвардейский значок, отдал честь и сказал:

— Поздравляю вас, Екатерина Орленева, с высокой честью — зачислением в гвардейский корпус!

Мих. Долгополов

ВОЙНА НЕВИДИМОК

Ник. Шпанов

ЧАСТЬ I. ТАИНСТВЕННЫЕ ПЯТНА

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Капитан 3-го ранга Житков, производящий опыты над лаком, сообщающим невидимость, совершил ошибку: он не залеп робу, в которой работал помогавший ему ученик. Спецовка исчезла. На ней были следы секретного лака. Оказывается, ученик обменял спецовку на ботинки. Возникает подозрение, что спецовка попала в руки немецкого шпиона и диверсанта Витемы, охотившегося за секретом «невидимого лака».

В поисках робы Житков бродит по дачному посёлку и заходит в одну из дач. Здесь на него набрасываются несколько человек, его связывают и бросают в подвал. Там он обнаруживает пропавшую несколько дней назад Валу — жену его друга Найдёнова, которой тоже поручено было искать робу.

Преступники затопляют подвал и, опасаясь ареста, поджигают дачу и скрываются.

Радиостоящих в порту судов: подлодки «ОН-1», которой командовал Житков, и буксира «Штурм», на котором служит его жена Элли, принимают таинственный призыв о помощи. Сигналы подавал Житков, используя найденный им в подвале передатчик. Радиопеленг показывает точку на земле в границах дачного посёлка у порта. Пользуясь специальным звукоулавливателем, Найдёнов обнаруживает пленников Житкова и Валу. Их извлекают из подвала.

Витема, которому удалось бежать из СССР, отдыхает в маленьком городке нейтральной страны. Из Германии приходит приказ — возвратиться в СССР для новых диверсий. На его сообщения Мейнша возложено поручение ликвидировать Найдёнова и Житкова. Мейнш должен прибыть в СССР раньше Витемы и подготовить почву для его работы.

7. ПОДАРОК НОВОРОЖДЕННОЙ

Работы по оборудованию «ОН-1» приближались к концу. Хотя до сих пор оставался открытым вопрос, удалось ли вражеской разведке разгадать тайну лака Бураго-Житкова, командование решило довести до конца работы на лодке и провести на ней второе плавание в боевых условиях. Как известно, в первую операцию Житков выходил с рубкой, обтянутой чехлом. При подогревании электрическим током чехол становился в известных условиях освещением почти невидимым. Но опыт показал, что практическое значение такого способа маскировки невелико. Не говоря уже о том, что надевание и снятие чехла были сопряжены в боевых условиях с массой неудобств, а подчас и вовсе невозможны, но самое подогревание ткани требовало большого расхода энергии. В полупогружённом состоянии, когда приходилось беречь каждый ватт электроэнергии, или в позиционном положении, когда тоже нельзя было пользоваться главными машинами, применение чехла было возможно лишь за счёт радиуса подводного хода лодки.

Новый лак, приготовленный Валей и Житковым, не требовал подогрева, но зато добытое количество его было так мало, что едва позволило покрыть перископ и верхнюю часть боевой рубки. Корабль мог лишь, что называется, высунуть нос из воды, не больше. Но, по мнению Житкова, это могло уже вконец изменить тактику подводного корабля, особенно в борьбе с козловыми и при форсировании минных полей.

В ближайшем будущем Житкову предстояло доказать своё мнение на деле.

К концу работ на «ОН-1» Валя выписалась из госпиталя и принимала деятельное участие в маскировке корабля. Иногда появлялась на лодке и Найдёнов, наблюдавший за монтажом нового типа его пелетгатора — прибора, более совершенного, нежели первый образец знаменитого «уха».

Теперь Житков и Найдёнов виделись только на лодке: командир

«ОН-1» переселился поближе к кораблю и редко бывал в городе.

Встречаясь, друзья каждый раз возвращались в разговорах к случаю с робой. Ученик, которому она принадлежала, стал, повидимому, жертвой Витемы: его труп был найден в лесу, неподалёку от дороги, ведущей из города к дачному посёлку. Медицинская экспертиза установила, что мальчик был безжалостно задушен. Это убийство укрепило Житкова в предположении, что следы лака были вырезаны из комбинезона Витемой.

— Эта маленькая жизнь тяжко ляжет на счёт, который в конце концов придётся оплачивать нашему знакомцу, — нахмурившись, сказал Житков.

— Да, ты прав: рано или поздно мы

получим по счёту сполна, — согласился Найдёнов.

— Руку! — сказал Житков. — Именно так: не простим ни гроша.

— Хотя сейчас, кажется, мало похоже на то, что нам удастся получить хотя бы ломаный немецкий пфенниг, а?

— Меня не смущают отсрочки, которые даются Витеме судьбой и его собственной хитростью.

— В чём, в чём, а в хитрости ему не откажешь! Однако у меня есть для тебя и более приятное сообщение: Валя приказала звать тебя на пирог. Завтра день её рождения.

Житков колебался:

— Как-то неловко, знаешь: в такой день с пустыми руками. А? Цветы бы нужны или конфеты там какие-нибудь.

— Ничего, по старой дружбе она простит. А угощение в этот день должно принести аист.

— Всех аистов францы на суп перевели.

— Авось, на нашу долю один ещё остался. За ним и угощение для новорождённой.

— Ладно, как-нибудь выпутаемся. И, действительно, Житков выпутался. На рождение он явился с угощением: круг копчёной колбасы и несколько луковиц.

— А торт в день взятия Берлина. Валя потащила Житкова к столу, где уже собрались гости. Но едва он занял предназначенное ему место, как

Найдёнов вооружился ножом и запис его над тортом.

и прихвосте посылался настойчивый звонок.

Валёва вздрогнула и испуганно взглянула на Найдёнова.

Сибиряк, ближе всех сидевший к двери, побежал отворять.

— Кто бы это мог быть? — сказала Валёва, и в голосе её прозвучало беспокойство.

— Что с тобой? — удивился Найдёнов. — Может быть, вовсе и не к нам.

— Нет... Это к нам, — уверенно сказала Валёва и опустила глаза, чтобы не выдать усиливающегося волнения.

— А если к нам, одним гостем больше будет, — беззаботно сказал Найдёнов.

Он не понимал причины её волнения. Видя, как вздрагивает её рука, держащая вилку, он тоже нахмурился и поднялся, чтобы выйти следом за Сибиряком. Однако тот уже стоял в дверях. На вытянутых руках он держал большой с профессиональной тщательностью завернутый пакет. Такие пакеты приносили когда-то из стога заказов «Гастронома».

— Валентине Александровне Найдёновой! — торжественно провозгласил Сибиряк. — Лежал у двери на площадке. Подношение неизвещен.

Все взоры обратились к Вале. Она сидела неподвижно.

С лица её не сходило выражение смущения, граничащего с испугом.

— Да что с тобой, детка? — ласково сказал Найдёнов и пошёл навстречу Сибиряку.

Но тут Валёва порывисто поднялась:

— Я сама...

Её пальцы плохо справлялись с узлами шиагата.

За столом царил томительное молчание. Необъяснимое волнение Вале передавалось гостям. Все взгляды были обращены на пакет.

Вот, наконец, распутаны узлы, с шелестом упала бумага. Показался плотный картон большой коробки, в какие пакуют торты. Валёва вопросительно взглянула на Найдёнова.

Он рассмеялся и, желая рассеять неловкий испуг жены, крикнул:

— Значит, ещё не всех аистов съели францы!

Он подбежал к пакету и быстро поднял крышку. Взором всех предстал великолепный ореховый торт.

— Если это и чудо, то не такое, которого следует бояться, — сказал Найдёнов.

Но, взглянув на Вале, осекся. Она испуганно схватила его за руку. Тихо, так, что слышал только он, сказала:

— Никто, кроме покойного папы, не знал семейного обычая дарить мне в этот день ореховый торт. Смотри,

и рисунок как у папы: жорь и молнии.

— Кто-нибудь из старых друзей, кто бывал у вас в доме...

— Нет, нет, я хорошо знаю: в городе не осталось никого из наших друзей. Да и кто может сделать теперь такой торт? Это очень странно.

— Кто бы ни был этот таинственный поздравитель, он, по видимому, твой старый друг. Давай-ка лучше предоставим гостям оценить торт.

Найдёнов вооружился большим ножом и занёс его над тортом.

Валёва отвела его руку:

— Мне страшно.

— Глупышка, чего же?

— Не знаю, но... мне страшно.

— С тех пор как объяснялось самое удивительное из виденных мною чудес со обожавшим повешенным, — весело сказал Житков, — я больше не верю ни в чудеса, ни в факиров, — он решительно взял из рук Найдёнова нож и вошёл в торт.

Нежное тесто, покрытое толстым слоем жирного крема, мягко распалось на аппетитные куски.

Но вдруг Житков отвлёк руку: нож наткнулся на что-то внутри торта. Житков извлёк облепленный тестом пакетик из пергамента.

— Разрешите развернуть? — спросил он Вале.

Она молча кивнула.

Житков разорвал пергамент.

Никто из присутствующих так и не понял, что попало в руки Житкову. Крепко сжав в кулаке разорванный пергамент, он сказал Найдёнову и Вале:

— Гости извинят, если вы покинете их на несколько минут.

Сопровождаемый хозяйками, он поспешно прошёл в кабинет.

— Скорее доставай комбинезон, оставленный Витемой, — сказал Житков Найдёнову.

Когда старый комбинезон был извлечён из ящика и расправлен на столе, Житков разжал кулак и на каблуке из дыр, вырезанных в комбинезоне, наложил что-то, от чего места стали сразу невидимыми.

— Пятна лака! — в один голос вскрикнули Найдёнов и Вале.

— Дорого дал бы я за то, чтобы взглянуть на аиста, принесшего этот подарок! — сказал Житков.

— Пожалуй, нужно предупредить гостей, чтобы они не задумали есть торт, — сказал Найдёнов.

— А для чего же и делаются торты?

— Разные бывают аисты, а значит, и торты...

— Пожалуй, верно, — согласился Житков. — А жалко: торт выглядит заманчиво.

то я сегодня же складываю чемоданы. Нужно и честь знать.

— Послушай, Саша... — Житков воткнул палки, сбросил вазочки и машинально полез было за трубкой, но, вспомнив, что на лыжах курить не полагается, постучал трубкой по ладони и старательно засунул обратно в карман.

Глядя, как Павел всё это проделывал, Найдёнов вспомнил вечер в портовом посёлке, когда он пришёл к Житкову с известием об исчезновении Вале. Он не мог понять, откуда у Павла — очень сердечного и темпераментного человека — берётся эта способность быть иногда невыносимым, издевательски спокойным. И именно в тот момент, когда хочется видеть его взволнованным и сочувствующим.

Найдёнов с такой неприязнью поглядел на друга, что тот было опешил, но тут же расхохотался:

— Пожалей, оставь хоть косточки! Найдёнов с трудом сдержал улыбку. Стараясь сохранить серьёзность, сказал:

— Неужто у тебя совесть спокойна? Кататься на лыжах, когда там...

— С годами в тебе просыпается некая мировая скорбь. А вместе с её появлением исчезает былая дисциплинированность.

— Кажется, мне никогда нельзя было отказывать...

— Нельзя было, — перебил Житков, — а вот теперь-то и приходится отказывать в понимании дисциплины.

Тебе разве не приказано адмиралом: две недели отдыха? По моему разумению, это значит: спать — сколько спится, есть — сколько естся; если есть над чем, — то вволю смеяться. Сомнения не входят в программу санаторного отдыха.

— Ты любишь рисовую кашу?

— Ежели на молоке да с изюмом, то даже обожаю.

— Так вот: рисовая каша обладает свойством: ешь, ешь — всё кажется мало, и вдруг подносишь ко рту ложку — не лезет, нет для неё места. Так и сейчас. Я всё думаю: пройдут две недели, и я с сожалением покину санаторий, а сегодня просыпаюсь и чувствую: этот день уже лишний.

— Я думал, у тебя какие-нибудь важные соображения, а оказывается, одна психология. — Житков вытянул из снега палки Найдёнова и, вложив их ему в руки, показал на спуск: — Ну, иди!..

Найдёнов знал, что Житков приведёт угрозу в исполнение, и нехотя двинулся к откосу. Обрыв показался ему сегодня особенно кривым и вы-

соким. Не было обычной радости предстоящего стремительного спуска. Как всегда в таких случаях бывает, он не удержал лыж на бугре — они выльзнули в сторону. К трамплину он подлетел, уже почти потеряв равновесие, и, почувствовав удар по лыжам, полетел головой вперёд. Вихрь снега, поднявшегося при его падении, ещё не осел, когда Житков с хохотом затормозил рядом:

— Вот психологии достойные плоды!

Он подал Найдёнову далеко отлежавшие палки.

Можно было подумать, что приключение привело Найдёнова в себя. Снова весело сверкал вокруг него снег, снова приветливо кивали мохнатыми лапами ели и ласково обнимала лесная тишина. Сомнений как не бывало.

Вернувшись с прогулки в санаторий, он пообедал с таким аппетитом, что даже привыкшая ко всему сестра-хозяйка, радостно улыбаясь, сказала:

— Вот теперь и я вижу, что дело пошло на поправку.

Послеобеденный сон друзей был так крепок, что никто из них не отозвался на раздавшийся среди мёртвого часа осторожный стук в дверь. Так и не дождавшись ответа, стучавший вошёл в комнату. С минуту он в сомнении глядел на спящих. Потом шагнул к Житкову и тронул его за плечо. Тот поднялся и удивлённо посмотрел на незнакомца.

— Вас просят прибыть, — сказал тот и, склонившись к уху Житкова, что-то прошептал.

— Меня одного?

— И подполковника тоже.

Житков разбудил Найдёнова.

— Когда прикажано прибыть?

— Машина у подъезда. Никто не должен видеть, как мы будем отъезжать.

Смеркалось. Большая легковая машина с опущенными шторами промчалась по лесной дороге, вылетела из шоссе и ещё быстрее понеслась к городу. С каждой секундой движение становилось всё более бешеным. Её большой тёмный силуэт, как влечение, мелькал мимо обгоняемых машин. Шоферы с удивлением глядели на обгоняемый автомобиль, очертя голову несущийся по извилистой и скользкой, как каток, дороге.

Было уже совсем темно, когда на столе дежурного автомобильной инспекции задребезжал телефон. Сообщили об автомобильной катастрофе. Большая легковая машина, шедшая с огромной скоростью, вылетела на повороте пригородного шоссе и вкоро-нила под собою трёх седоков.

8. КАТАСТРОФА НА ШОССЕ

Хрусткий снег легко продавливался лыжей. Лыжня была глубокой и гладкой. Найдёнову оставалось заботиться только о том, чтобы понасть в след, оставляемый Житковым, — лыжи сами катились под уклон.

Сегодня Найдёнов бежал с нахмуренными бровями; лицо его выражало озабоченность. И эти прогулки, и ежедневный сон вволю, и по-мирному вкусная еда четыре — пять раз в день; вечера за биллардом и засыпание с книгой — всё, всё представилось ему вдруг недопустимым, почти преступным бегством от войны, тяжким бременем лежавшей на всём, что было там, за пределами молчаливого леса, плотной стеной обступившего санаторий, где друзья проводили неожиданно доставшийся им отпуск.

Пусть отпуск был предписан командованием; пусть ему — Найдёнову — и самому вначале показалось, что не-ничего предосудительного в

том, чтобы немного отдохнуть и набраться сил, восстановить порядком поизрасходовавшуюся нервную энергию. Всё это казалось ему незаслуженно щедрым, непомерно затянувшимся. До назначенных адмиралом двух недель оставалось ещё четыре дня, но Найдёнов считал, что он не должен, не может больше оставаться здесь в то время, как где-то рядом полыхает всепожирающее пламя войны.

Нет, решительно больше незачем злоупотреблять добротой адмирала. Сегодня же нужно вернуться в город...

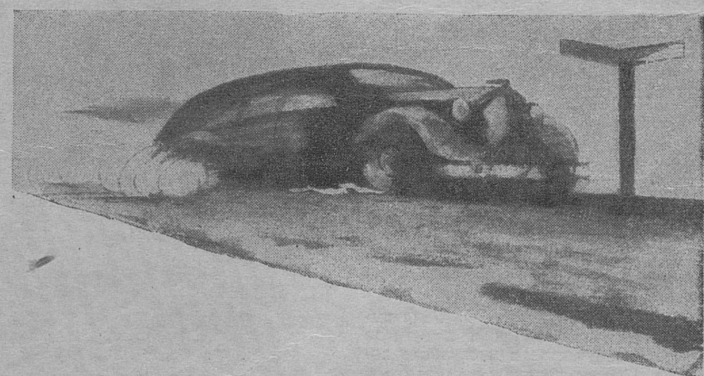
Задумавшись, он едва не налетел на Житкова, внезапно затормозившего у крутого обрыва, где они обычно тренировались в прыжках.

— Пора, Паша, кончать это дело.

Житков глядел недоумённо:

— Не понимаю...

— Я говорю: наотдыхались. Не знаю, как ты, но что касается меня,

9. ТЯЖЕЛОЕ ЗАДАНИЕ

Скрипя на тормозах, автомобиль остановился у тёмного подъезда. Молчаливый спутник без звонка отворил дверь собственным ключом. Жестом предложил раздеться. Когда Найдёнов и Житков повесили шинели и пригладили перед зеркалом волосы,

он так же молча показал на внутреннюю дверь, пропустил их вперёд и, на этот раз не проследовав за ними, затворил её. Они услышали за спиной щелчок запирающегося замка и остались одни.

Следуя правилу никогда никому не

В тот день зал Петербургской городской думы особенно ярко сиял огнями и великолепным убранством. Вдоль хоров и стен, на самой эстраде, расположились гербы и знамена славянских национальностей.

Зарубежные гости, съехавшиеся в Петербург со всех славянских земель, прибыли на концерт, организованный Милием Алексеевичем Балакиревым. Балакирев, этот выдающийся композитор и дирижёр, пламенный вождь «могучей кучки» русских музыкантов, им хорошо известен. Давно ли рукоплескала Балакиреву передовая Прага после его триумфальных выступлений в пражской опере, где он напаял дирижировал глинкинским «Русланом»? Энтузиазм чешских патриотов был настолько велик, что даже реакционная немецкая критика, с её «узенькими», по выражению Балакирева, «скобланными» теориями об опере принуждена была хоть и сквозь зубы, но признать «Руслана», «чтобы не разойтись с публикой окончательно!»

Балакирев не скрывает своих горячих симпатий и сочувствия к славянским братьям. Это хорошо знают и там, за русским рубежом, и здесь, в России. Недаром близкий его друг и единомышленник Владимир Стасов именно ему, Балакиреву, предлагает для новой симфонии сюжет, который «дышит страстной любовью к торжеству славянского народа, дышит ненавистью к немцам-притеснителям».

«Моя тема — Иван Житков», — говорит Стасов и образно рисует Балакиреву «картины несчастной Чехии, со всеми их пожарами, муками, гонениями, изнасилованными женщинами, мучительно казнёнными героя-

Из прошлого

ПЕРВЫЙ ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОНЦЕРТ В ПЕТЕРБУРГЕ

Картина «Славянские композиторы» была написана Ильей Ефимовичем Репиным в 1870—1872 годах.

Список двадцати двух славянских композиторов, которых следовало запечатлеть на картине, был составлен Николаем Григорьевичем Рубинштейном, основателем и директором Московской консерватории.

Русские композиторы заполняют всю середину картины, начиная с Н. А. Римского-Корсакова (в военной форме), за ним сидит А. Ф. Даргомыжский, а в глубине виден полузабытый теперь И. Ф. Ласковский. Центр холста занимают (слева направо): М. А. Балакирев, М. И. Глинка, а между ними друг последнего — музыкальный писатель В. Ф. Одоевский, рядом же сидит (в придворном мундире) А. Ф. Лъвов. В глубине отдельную группу образуют наклонившийся А. Н. Верстовский — автор пользовавшейся когда-то огромным успехом оперы «Аскольдова могила», — известный духовный композитор Д. С. Бортнянский и творивший в том же жанре П. И. Турганinov; заправо от них стоит автор романсов А. Н. Гурильев. Оканчивается ряд А. Н. Серовым и Антоном Рубинштейном, сидящим за роялем, на который опирается его брат — Николай. Сзади них поляны: Фредерик Шопен и на самом краю холста Станислав Моцарт, из произведений которого наиболее известна опера «Галька». Далее стоит поляк Кароль Липинский и (на фоне двери) Михаил Огинский, создавший себе имя торжественными полонезами. Напротив Моцарта, на левом краю картины, стоит выдающийся дирижёр Петербургской оперы — чех Эдуард Направник. Рядом с Направником сидит Бедржих Сметана — основатель чешской национальной оперы «Продажная невеста», — а сзади них чешские композиторы Корель Вендль и Вацлав Горака.

ми, потоптанными полями, задавленными маленькими детьми...

Это сюжет такой, что касается не одних чехов, но всякого народа новой Европы, где масса идёт или хочет идти вперёд и освободиться... Возьмите его!

Недаром Балакирев, будучи в Праге, любовно собирает чешские народные песни и создаёт на темы их симфоническую увертюру «В Чехии». Эту увертюру он и исполнит теперь, в Петербурге, вместе с другими произведениями. Каждое из них должно отразить дух и гений многоликой семьи славянских народов. Здесь, на украшенной многоцветными знамёнами эстраде, прозвучат и украинский «Казачок» Даргомыжского и «Сербская увертюра» Римского-Корсакова и польские аррии Моцарта, и как венец музыкального торжества русская «Камаринская» Глинки!

Балакирев дирижировал с энергией и страстью, не оставив в зале ни одного равнодушного:

— Живно, живо! Слава русскому канцелярщику!

Крики и рукоплескания удвоились, когда на эстраду Балакиреву поднесли лавровый венок и дирижёрскую палочку из слоновой кости. С необыкновенным искусством были вырезаны на ней имена Пушкина, Глинки и всех героев «Руслана и Людмилы». На золотых лентах, перевивавших лавровый венок, была надпись: «М. А. Балакиреву. 1867 года, Мая 12 дня».

То был великий торжественный день, день братской солидарности славянских народов, продемонстрировавших неисчерпаемые сокровища, таившиеся в недрах народного искусства.

Е. Канн.

удивляться. Житков уселся в кресло перед камином, набил трубку и, скрутив бумажный жгут, зажёл его в камине и прикурил.

Найдёнов нервно мерил шагами край большого ковра, устланного ковром.

Друзья молчали.

Несмотря на царящую вокруг тишину, они не слышали, как отворилась внутренняя дверь. Девушка в аккуратном белом фартучке, неслышно ступая по ковру, ввела поднос, она поставила на столик два стакана чая, вазочку с печеньем и большую коробку папирос и так же тихо, не взглянув на гостей, исчезла.

Найдёнов мельком глянул на Житкова. Тот сидел, протянув ноги на каменную решётку, и, блаженно шаркая, пускал кольца дыма.

Снова неслышно растворилась дверь, девушка молчаливым видением проскользнула к столику и заменила пустые стаканы новыми. Но рядом с ними на этот раз появился третий стакан. Найдёнов отметил, что чай в нём очень крепкий, почти чёрный. На блюдечке около него лежали ломтик лимона и несколько мелко наколотых кусочков сахара.

Заметил всё это и Житков. Он первый раз поднял взгляд на приятеля и выразительно подмигнул. Загадка

разъяснялась. Друзья поняли, кто пойдёт сейчас перед ними. И действительно, сквозь низенькую дверцу, врезанную в дубовую панель стены, пригнув голову, чтобы не задеть за притолоку, в комнату вошёл человек огромного роста в форме вице-адмирала. Даже тот, кто не видел его в течение двадцати лет, безошибочно опознал бы в нём бывшего матроса Тараса Ивановича Ноздра. Несмотря на благородное серебро седины, опоясавшей большой череп, лицо его сверкало румянцем здоровья; неуваждающая сила сквозила в каждом движении могучего тела. Свободны, уверенны были жесты, высоко поднималась широкая грудь. Звуки глубокого баса, легко исходявшие из груди адмирала, сразу наполнили всё пространство комнаты:

— Здравствуй, покажитесь.

Отчески ласковым, хотя и внешне грубоватым движением Ноздра повернул перед собою гостей, окинул их с ног до головы внимательным взглядом:

— Как будто в порядке? Прежде всего откровенно похвалю обоих. Так и должен вести себя наш брат: пока не уверен, где он и с кем имеет дело, лучше не говорить даже о пустяках. Молчание — всегда золото, а в нашем деле оно бриллиант. Так-то.

Житков и Найдёнов стояли на вы-

тяжку. При его похвале рты их чуть тронула улыбка, но они продолжали молчать.

— Пришла для вас пора переходить в первый класс. Дело вот в чём: в губе Тихой грузятся английские и американские суда; погрузка проходит нормально, но примерно на трети верёв Моржового некоторые из этих судов взлетают на воздух. Трудно предположить, чтобы противник мог так систематически минировать именно этот проход. Против его воздушных заградителей приняты надёжные меры; надводным кораблям его и вовсе хода нет. Остаётся предположить одно из двух: либо он минует этот район подводными заградителями либо его подлодка действует так искусно, что ни разу не попавшись нам на глаза, умудряется торпедировать транспорты. Я в это мало верю. Прошли те времена, когда у фрицев имелись десятки — другой искусных и достаточно смелых подводных «ассов». Вывели их под корешок. Я за то, что оперирует тут подводный заградитель. Но почему нашим охотникам не удаётся его пустить ко дну, понять не могу. Да и траление должно бы было предохранить несчастные транспорты от шаринов. А между тем они идут в этот квадрат, как в верную могилу. Прямо так и отсчитывают: через шесть часов мы, мол, будем на траверзе Моржового, — значит, жизни

нам осталось триста шестьдесят минут. Нужно в этом разобраться. То ли появилось в их технике что-нибудь новое, что позволяет им с подводной позиции вести наблюдение за поверхностью. Это по твоей части, — Ноздра кивнул Найдёнову. — Либо пущена в ход какая-нибудь «механика» на берегу, которая, оставаясь невидимой для нас, умудряется оповещать их подлодки. Это по твоей, — Ноздра посмотрел на Житкова. — Одним словом, вы должны дать мне ответ, и как можно скорее, в чём тут дело?

Видя, что он кончил, Найдёнов спросил:

— Когда можно приступить?

Как-то странно Ноздра посмотрел на него быстрым, пронизывающим взглядом. Потом положил им на плечи свои большие руки. Казалось, этим движением он заключил в объятия сразу обоих.

— Вот и ответьте-ка мне начистоту, без утайки: согласны ли исчезнуть с лица земли?.. Я не шучу. Завтра же ваши жёны узнают, да нет, что я говорю — завтра: вот сейчас, отсюда, я позвоню Валентине и скажу, что её муж больше не существует; попрошу передать то же и жене Житкова. Значит... решено?

Найдёнов и Житков, не глядя друг на друга, одновременно кивнули.

(Продолжение следует)

СПОРТ

ХОККЕЙНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Состязания на хоккейное первенство столицы в московском зимнем сезоне 1944 года отличались чрезвычайной остротой.

Встречи шли по круговой системе: каждый из 9 участников встречался поочередно со всеми своими конкурентами. Команда «Крыльев Советов» «всухую» обыграла «Локомотив» — 2:0, «Зенит» — 5:0, прошлогоднего чемпиона Москвы — ЦДКА — 1:0, победителя декабрьского блицтурнира — команду воинской части тов. Васильевича — 2:0. С крупным счётом был побеждён экс-чемпион «Спартак» — 6:2, «Строитель» — 5:1. С динамовцами игра была сведена вничью — 1:1. Встреча двух чемпионов — ЦДКА — «Динамо», уже имевших по одному поражению в календарных матчах от «Крыльев Советов» и команды части тов. Васильевича, дала ничейный результат. Это помогло «Крыльям Советов» прочно занять место лидера. Оставалась последняя игра со слабым противником — командой «Торпедо». Но этот противник оказался самым опасным конкурентом.

Первые 45 минут напряжённой игры не дали результата. Во второй половине счёт мячей начался с нападения «Крыльев». Увлечённая атакой, его команда близко подошла к воротам торпедовцев, стремясь нанести им поражение. Но форварды «Торпедо» провалили линию нападения противника, обошли защиту и дважды «завязли в воротах». Счёт стал 2:1 в пользу «Крыльев». Над командой «Крыльев» нависла угроза проигрыша матча и первенства. Пятёрка нападающих

Розыгрыш на первенство Москвы по хоккею на стадионе «Динамо». Момент игры между женскими командами спортивных обществ «Буревестник» и «Динамо»

Фото Н. Ситникова (ТАСС)

с новой силой обрушились на позиции торпедовцев. С углового удара молодой игрок «Крыльев» Новиков метнул мяч с такой силой, что тот прорвал железную сетку и зарылся в снег. Судья дал двойной свисток, означавший «взятие ворот», и указал на середину поля. Однако, не видя мяча в воротах, он усумнился в своём решении. Гола он не засчитал. Матч был опростован. Хоккейная секция назначила переигровку.

Противники встретились вторично. Тугой резиновый мяч в тесной пенной одежде был снова положен на середину ледяного поля, потом по нему ударили круторогой палкой. «Яблоко раздора» заметалось по спортивному полю, занимающему 7 тысяч квадратных метров.

Двадцать игроков бросились друг на друга с решимостью добиться победы во что бы то ни стало.

Лёд был отличного качества. Быстроногие форварды «Крыльев» могли проводить свои молниеносные комбинации, осуществлять виртуозные приёмы и бить по воротам с дальних дистанций. С

первой же минуты определилось полное преимущество команды «Крыльев». Противник был прижат к своим воротам. Атаки, комбинации, защитные действия, встречные приёмы, блокировка, распасовка мяча, выбор позиции, передача, страховка места, молниеносный переход от нападения к защите и наоборот — прыжки, удары с любых положений — чередовались с кинематографической быстротой.

Вьюном носился по льду Новиков — молодой игрок, обладающий стремительным рынком, точным ударом, быстрой конькобежкой, выносливостью лыжника. Неудержимо рвался в ворота тренер команды Егоров.

На 10-й минуте Новиков ударил. Гол! Через 3 минуты мяч мышонком проскользнул от его же короткого паса. 2:0! С дальней дистанции по косой линии загнал мяч в ворота Белоусов. 3:0! Перерыв.

Снова нападение «Крыльев». Красивым ударом мяч провёл Зигмунд. 4:0! Вскоре он повторил свой мастерский приём. 5:0! Острота матча прошла, форварды

«Крыльев» ослабили нажим. Но торпедовцы прилагали отчаянные усилия, чтобы уйти от «сухой». У ворот «Крыльев» произошла свалка, мяч всё же влетел в сетчатый заслон. 5:1!

Зрители, молодые заводские ребята, кричали своему любимцу Новикову: «Ваня, дай ещё раз!» Новиков поймал рогом клюшки юркий мяч и словно рукой швырнул его в ворота.

6:1! Победа завоевана командой «Крыльев».

Нужно ли говорить, как любят своих спортсменов: слесаря Исаева, вратаря, слесаря Адёшина и инструктора физкультуры Соколова; защитников: токаря Давыдова, слесаря-монтажника Артемьева и инженера Бочарникова (линия полузащиты), токаря Белоусова, диспетчера Михеева, монтажника Зигмунда, токаря Егорова и слесаря Новикова (линия нападения) — рабочие оборонного завода, где трудятся и бесполовые зрители и счастливые чемпионы.

Платон ИПОЛИТОВ,
заслуженный мастер
спорта СССР

Почему мы так говорим

ХОДИТЬ ГОГОЛЕМ

Гоголь — птица из семейства утиных, отличающаяся своей важной, неторопливой походкой. Отсюда произошло выражение «ходить гоголем», т. е. выступать медленно, важно, горделиво.

ЕХИДНЫЙ

«Ехидна» — мифическое чудовище, дочь Тартара и Геи. мать адекого пса Церберы, наполовину женщина, наполовину змея. Отличалась злобой и коварством. Отсюда и произошло выражение «ехидный», то есть злой, коварный, лицемерный человек.

ЦЕРБЕР

«Цербер» — в древнегреческой мифологии трёхголовый адский пёс с гривой и хвостом из змей. Он сторожил вход в подземное царство: всех пропускал, но обратному никому не давал выйти. «Цербером» стали называть потом неуспешного, злого сторожа.

НИ ЗГИ НЕ ВИДНО

Зга — это металлическое колечко или полоска на дуге лопатки. Она блестела и потому была всегда видна кучеру. Только в пролётке тьме нельзя было рассмотреть згу.

МУКИ ТАНТАЛА

Тантал — царь Фригии, герой древнегреческих сказаний, сын Зевса и Плуто. Он разгневал богов и был присуждён ими к жестокому наказанию — вечно испытывать муки голода и жажды. В Тартаре, стоя по шее в воде, Тантал не мог напиться: вода уходила от него, как только он наклонился к ней. Над Танталом свешивались ветви деревьев со спелыми плодами, но они поднимались вверх, как только он протягивал к ним руки. Отсюда произошло выражение «муки Тантала», т. е. страдания, испытываемые человеком, который несмотря на все усилия и старания не может добиться какой-нибудь цели, кажущейся вполне близкой и достижимой.

Новые марки

Эти две марки выпущены Народным комиссариатом связи к 125-летию со дня рождения великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

СТО ЛЕТ НАЗАД

По страницам русской печати за 1844 год

«С будущего 1844—45 академического года разрешено ввести в Казанском университете преподавание манчжурского языка. Таким образом Восточный отдел Казанского университета, беспрерывно развиваясь, вмещает уже в себе преподавание девяти азиатских языков, а именно: арабский, персидский, турецкий, татарский, санскритский, китайский, монгольский, армянский и, наконец, манчжурский. С присоединением тибетского Восточный отдел Казанского университета будет одним из полнейших в Европе» («Северная пчела» № 99).

«Из Москвы уведомляют о грустной потере Русской Словесности: Евгений Абрамович Баратынский скончался в городе Неаполе, куда прошлой осенью уехал он для поправки расстроенного здоровья. Имя Баратынского всегда останется в летописи Русской Поэзии. Он принадлежал к тем самым отличнейшим дарованиям, которые окружали Пушкина при появлении его» («Северная пчела» № 184).

«Иркутск. Наконец, пароходство открылось и в Сибири. На днях по Байкалу прошёл первый пароход. Ни противный ветер, ни встречные валы не были ему препятствием, волны послушно разбивались под колёсами, и пароход плавно бежал, оставляя за собой далёкий след» («Северная пчела» № 186).

«Механик-художник Кумин составил ныне для частного употребления нового рода, весьма удобные весы без гирь. На них можно взвешивать всякие тяжести от самодельных до двух пудов» («Коммерческая газета» № 14).

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

РЫБА-ВЕГЕТАРИАНЕЦ

Одной из наиболее ловких и хитрых рыб, населяющих наши реки, является карп, или сазан. Эта рыба на втором году жизни достигает в длину 30 сантиметров. Рост её продолжается в течение всей жизни и достигает 1—1½ метров. При таких размерах карпы весят от 8 до 16 килограммов.

Во время ловли неводом карпы залегают на дно бочком, головой к неводу. Невод скользит сверху рыбы, и та спасается от захвата. Для большей безопасности от невода карпы кроме того стараются зарыться в донный ил. Крупные карпы часто перепрыгивают через невод или подобно сому или щуке сразбегу ударяются в невод и прошибают сеть насквозь. Попад на удочку, сазан сильно разбегается и

старается сразбегу оторвать леску. Если это не удаётся, он пытается перевернуть леску спинным лучом. Своими жёсткими, зазубренными лучами карпы защищаются от хищников и человека.

Карпы залегают на зиму в ямы с первыми осенними заморозками и почти не принимают пищи. На юге они зимуют очень часто вместе с сомами, своими злейшими врагами. Сомы залегают раньше, притом на самом дне, а карпы ложатся на них. От своего оцепенения или спячки они пробуждаются с ледоходом.

Растительную пищу сазан предпочитает червям, личинкам и разным насекомым. Главным кормом карпов весной и в начале лета являются молодые побеги чакана.

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5118.

2½ печ. л.

Подписано к печати 21/III 44 г.

Изд. № 211.

Тираж 100.000. Заказ 514.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

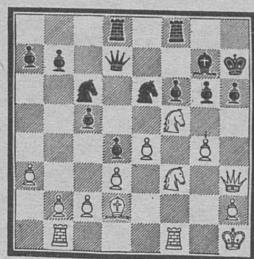
ПАРТИЯ № 5

Сицилианская

КОТОВ

Вполне понятное стремление надёжно защитить пункт

24. Kg3—f5!!

Решающий партию ход.
34. Кe8 : f6

Чёрные сдались.
Одна из лучших партий
турнира.

Только недавно разгадали загадку летучих мышей. Они, оказывается, не натыкаются на окружающие предметы благодаря необычайно развитому осязанию.

Наконек, в 1742 году Целсий вводит столбидную шкалу температур, приняв точку кипения воды за 100° , а точку таяния льда—за 0° .

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

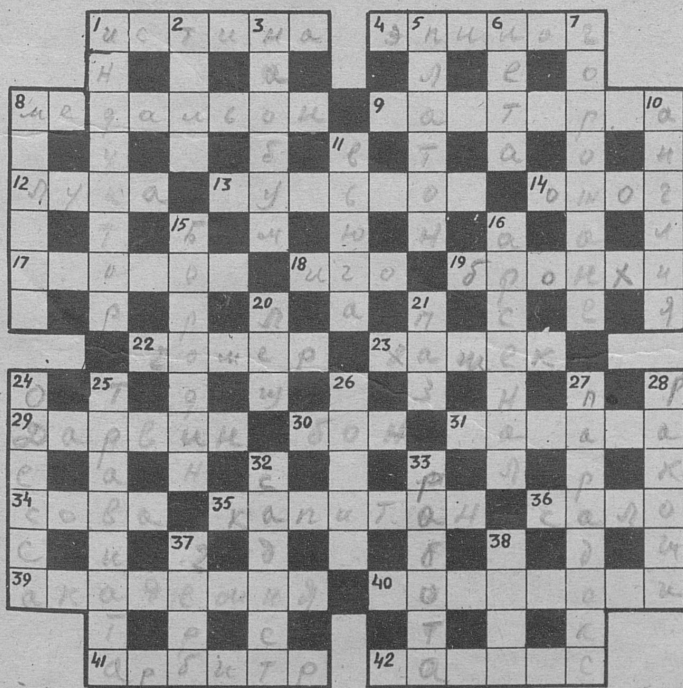
ПО ВЕРТИКАЛИ:

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5—6 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Трюер 3. Спартак. 4. Квас. 5. Салют. 6. Тост. 7. Суриков. 8. Шидлер. 9. Лир.
10. Дрозд. 11. Фазан. 14. Арбуз. 15. Опыл. 16. Копит. 21. Охот. 22. Скат. 23. Обоз.
25. Уран. 26. Арап. 27. Павк. 30. Обух. 32. Анод. 35. Аства. 37. Рулон. 39. Зитон.
41. Куб. 42. Ког. 43. Вол. 45. Иол. 46. Крытот. 48. Невский. 49. Редут. 50. Моряз.
52. «Арион». 53. Катер. 54. Лафет. 56. Титан. 58. Ухват. 59. Тонца. 60. Пик.
61. Кигт. 62. Лак. 64. Ода. 70. «Искра». 72. Ромаш. 74. Малож. 76. Тин. 78. Пук.
79. Мир. 81. Ура. 83. ТАСС. 85. Веток. 85. Азия. 88. Бетон. 88. Бетон. 88. Бетон.
90. 91. 91. 91. 91. 93. 93. 93. 93. 93. 95. Ринг. 97. Товарищ. 99. По-
толов. 105. Ребра. 107. Умбиз. 109. Бука. 111. Та. 113. Сага. 114. Ораша. 115. Тиз.

«Не было еще в истории войн случая, чтобы враг сам прыгнул в пропасть. Чтобы выиграть войну, нужно подвести противника к пропасти и столкнуть его туда» (СТАЛИН).

Всё ближе и ближе к роковой грани...

Рисунок Бор. Ефимова

1944 г.

П. АКТ № 334

13